

ЕЛЕНА ФИЛОН

Только сияй

МУЗЫКАЛЬНЫЙ РОМАН

Елена Филон

Только сияй

<https://litres.ru/73291477>

SelfPub; 2026

ISBN 1

Аннотация

Жизнь уже не станет прежней, поняла Тейт Миллер после того, как спустя четыре месяца размеренной жизни в Нью-Йорке побег с шоу Рок без границ напомнил о себе нарушением подписанного ею акта, влекущим за собой огромные штрафы, билетом до Лос-Анджелеса в один конец на встречу с директором известного музыкального лейбла, а также незабытыми чувствами к одному очень симпатичному Нет. Стоп. Или не к одному? А что, если их двое?.. И что, если этот второй теперь ненавидит Тейт еще больше, чем раньше? И что, если она не хочет, чтобы он ее ненавидел?.. Нет, эта поездка обещает быть еще более невыносимой, чем первая!

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	32
ГЛАВА 5	38
ГЛАВА 6	59
ГЛАВА 7	82
ГЛАВА 8	93
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Елена Филон

Только сияй

Четыре месяца на то, чтобы забыть.

*Четыре месяца на то, чтобы продолжить жить так,
словно и не было ничего...*

Не было шоу. Не было скандалов.

Не было Лос-Анджелеса.

Не было Калеба.

Не было... Шейна...

*Четыре месяца на то, чтобы прекратить
вспоминать, как тело умеет гореть в огне
и умирать от наслаждений в объятиях пламени.*

*Четыре месяца на то, чтобы убедить себя, что эта
страсть не переросла в нечто большее.*

Не могла перерасти. Не имела права!

Четыре месяца. Всего четыре.

Это слишком мало.

Этого недостаточно.

ГЛАВА 1

Хлопнула по будильнику, чтобы тот заткнулся.

Ещё минуточку. Всего минуточку, и обещаю, я встану с этой удивительно мягкой, тёплой... Сказочно тёплой постели!

Уснула.

– Тейт!!!

Чёрт! Дёрнулась так, что врезалась лбом в настенную полку. Какого дьявола Грейс её тут повесила?! Это вообще-то моя комната!

С силой потёрла лоб. Будет шишка. Просто здорово!

– Другого места не было, – слышался спокойный голос Грейс.

– Что?.. – проямлила сквозь сон, пытаюсь разглядеть очертания соседки.

– Отвечаю на твой ещё не заданный вопрос. – Грейс, подпирающая боком дверной косяк, с кружкой в руках, кивнула на полку: – Места говорю. Не было.

– Всё никак не могу привыкнуть, – пропыхтела раздражённо и сунула ноги в пушистые тапочки. – Скажи Рею, чтоб перевесил! Куда хочет!

О да! В нашей гвардии, то есть в квартире, прибыло! У Грейс появился парень! На постоянной основе, как она заве-

ряет. Он даже переехал со своей съёмной квартиры в нашу тесную двухкомнатную лачужку, и очередь в душ по утрам, на просмотр любимых каналов и в туалет, когда припрёт, выросла на одного человека. Почему Грейс сама к нему не переехала?.. Ну, она хоть человек и не из лёгких, но вполне понимает, что одной мне квартиру не потянуть, а времена не лучшие, чтобы сейчас искать что-то другое и организовывать переезд. К тому же у этих двоих ещё и свои планы имеются.

– Рей на работе, сегодня ушёл пораньше. – Грейс, сама ещё облачённая в розовую сорочку на бретельках, громко отхлебнула из кружки с изображением Спанч Боба, шмыгнула носом и придиричиво уставилась на меня. – Ну, знаешь, будний день, работа и всё такое.

– Знаю. Уже иду, – ответила раздражённо и хлопнула дверью в ванную комнату перед самым её носом.

Включила воду и встала под душ.

Когда вылезла, Грейс уже была в ванной. Вид недовольный. Ещё бы! Три месяца уже платит за меня арендную плату.

– Если будешь опаздывать, то тебя и из KFC выпрут, Тейт! – скрестив руки на груди, нравоучительным тоном причитала Грейс. – Я надеюсь, друг Рея не зря за тебя просил?

Тяжёлым взглядом уставилась на подругу:

– О, в этот раз я буду послушной девочкой, обещаю. Только заканчивай, ладно? Завелась с утра пораньше.

– Ну-ну.

За последнюю пару месяцев Грейс набрала ещё килограммов пять, а всё потому, что её обожаемый Рей взял её секретаршей в свою крохотную фирму, у которой даже офиса и названия нет. Весь день Грейс сидит дома, жуёт всякую нездоровую дрянь и отвечает на звонки желающих приобрести элитные корма для своих питомцев по привлекательной цене. Из товаров – пока только корм. И у нас вся квартира им провоняла, пока Рей уже который день подряд подыскивает подходящее под магазин помещение.

И это они ещё только три месяца встречаются!!! И что же будет дальше – вопрос на миллион зелёных президентов! Парикмахерскую для собак здесь откроют?! Или питомник?..

Но что я могу сказать?.. Грейс уже третий месяц выплачивает мою долю. И я обязательно верну ей все деньги, так как работу в KFC терять не собираюсь лишь потому, что какой-нибудь клиент посчитал мою задницу аппетитней гамбургера!

Так было в прошлый раз.

И тогда я просто не сдержалась и после того, как один воюющий урод шлёпнул меня по мягкому месту, вылила ему на голову стакан колы.

Да-да, знаю, что вы думаете: «неуравновешенная психичка» или что-то вроде того...

Но после этого я много над собой работала. Честное слово. Теперь я настоящий ангел! Просто летать ещё не научи-

лась. Но ресницами хлопаю отменно!

– Тейт, – терпеливо вздохнула Грейс, пряча за уши короткие светлые волосы длиной чуть ниже подбородка. Плохой знак – сейчас будут нравоучения от мисс-да-я-сама-ответственность-во-плоти! Опять в роль заботливой мамочки входит: – Я не давлю на тебя, ты же знаешь. Я беспокоюсь за тебя, Тейт... Ты должна повзрослеть, стать мудрее. Особенно после той поездки и того скандала...

– О боже! Не начинай! – прорычала я, сорвалась с места, вернулась в свою комнату и принялась сумбурно рыться в шкафу.

Синие джинсы, чёрный джемпер, дутая жилетка. Пойдёт. Пока наспех пила кофе с тостом, Грейс успела вооружиться планшетом и села за стол напротив меня, на нашей крохотной кухоньке с синей плиткой в огромные ромашки и горой посуды в добитой древней раковине.

– О нет, избавь меня от этого, – умоляюще простонала я с набитым ртом. – Хотя бы сегодня.

Грейс ехидно улыбнулась.

Поясню: после моего возвращения в Нью-Йорк, и особенно после того скандала с... ну, вы знаете с кем, Грейс взялась за активное посещение форумов фанатов FB. Изучение комментариев обо мне, прочтение новых сплетен, составление шкалы моей популярности, а также шкалы антипатий и многое-многое другое теперь стало регулярной неоплачиваемой работой Грейс. И каждый день она посвящает в эти но-

ности меня.

Почему? Да потому что фанаты FB совсем с катушек съехали!!! Сначала они меня ненавидели, оскорбляли и даже избили, засоряли почту (и не только электронную) всякого рода угрозами, сутками напролёт поджидали у дома, так что приходилось по несколько дней не выходить из квартиры, а спустя пару месяцев я вдруг стала их обожаемой фавориткой! Только представьте себе – они меня неожиданно полюбили! Сочли достойной их великой звезды, так ярко горящей на небосводе! А я из-за них даже со всех соцсетей удалилась! Ну разве не подвиг?

Это просто сумасшествие какое-то! Я не верила в это! Пока Грейс лицом не ткнула в монитор компьютера, открыв сайт моего личного фан-клуба!!!

Моего. Личного. Фан-клуба. Мне совсем не сложно повторить.

Фан-клуба без меня!

Эти дети даже песен моих не слышали, по кому фанатеют? По девушке, поцеловавшей на стадионе кумира миллионов?.. Видимо, по ней. И эти дети даже не в курсе, что так называемая девушка Шейна уже как два месяца назад изменила цвет волос! У меня есть точная виртуальная копия, аватар, так сказать, сказочный персонаж с сиреневыми волосами, живущий собственной жизнью на просторах Интернета и развивающийся по сценарию фанаток Шейна. Потому что они решили, что таким образом им не придётся делить его

между собой!

Вот такой вот ненавязчивый вынос мозга получается.

После того нашумевшего поцелуя на стадионе за все четыре месяца в Сети не появилось ни одной фотографии Шейна с какой-либо девушкой. Ни одной! Так, к слову – это мне Грейс рассказала, сама я в это не вникаю. Так вот, фанаты, оказывается, даже теперь благодарны мне за то, что с моего плеча их великолепный Шейн стал на путь исправления и больше не шатается по клубам, снимая тёлочку на одну ночь.

Отсутствие доказательств ещё не говорит о невиновности в преступлении. Так, между делом.

Может, шифроваться лучше начал. Может, мистер Сок его там по полной встряхнул после последнего скандала. Этого ведь никто не знает.

Да и какое мне вообще дело?..

Я давно забыла про FB. У меня своих дел по горло.

И то, что Шейн снится почти каждую ночь, – не в счёт. Сны я контролировать пока не умею. Но работаю над этим!

– О, новый фан-арт вас обоих! – восхищённо пискнула Грейс и развернула ко мне планшет: – Смотри, какие вы тут милые.

Рисунок карандашом: я и Шейн. Целуемся. Бла-бла-бла!

– Сейчас стошнит! – оттолкнула от себя планшет и с кислым видом запихнула в рот остатки тоста.

Я рассказала Грейс свою историю. Очень вкратце. Она знает лишь то, что сначала мы с Шейном были заклетыми

врагами, а потом внезапно сблизились. Очень сблизились.

А потом я бросила его одного бороться с похмельем. Ну да, не очень-то благородно получилось.

Уверена, Шейн до сих пор меня ненавидит после всего, что сказал по пьяной лавочке, а наутро не обнаружил меня в постели.

– И новая история про вас уже есть! – взвизгнула Грейс, подпрыгнув на и без того шатком стуле – бедняга закрипел, но не развалился, как в прошлый раз. Смеху было...

Но вернёмся к делу: фанаты даже истории про нас сочиняют, представьте себе. Грейс сказала, что тех, кто всем этим занимается, называют шипперами или как-то так. Они вроде как придумывают различные романтические и сексуальные истории между теми, кому совсем не обязательно являться парой на самом деле.

А я уже говорила, что мир спятил?

– Ну и что там? – спросила с безразличным видом, делая большой глоток кофе со сливками. – Куда сегодня Шейн поведёт меня делать предложение? Париж? Лондон? Испания? А, постой, Испания уже была.

– Италия была! – поправила Грейс, бегая глазами по электронным строчкам. – Испании ещё не было.

Я с громким стуком поставила кружку на стол и придиричиво уставилась на подругу:

– Нет, ну вот скажи, какого чёрта они этим занимаются?! Как школьницы сопливые!

– Они и есть школьницы. Насчёт соплей не знаю.

– Эти школьницы меня избили!

Грейс бросила на меня строгий взгляд поверх планшета:

– А сейчас всеми усилиями пытаются вас с Шейном поженить. И у себя в мыслях уже не раз это сделали. Это, типа, сейчас модно. Расслабься, Тейт.

– Модно... – прошипела недовольно. – Бред какой-то... – Сделала большой глоток кофе и вновь ударила кружкой по столешнице. – Потому что Шейн якобы остепенился?

– Им неприятно было каждую неделю видеть его с новой тёлкой, – ответила Грейс, не сводя глаз с дисплея, – вот они и решили, что раз после того вашего поцелуя Шейн перестал шляться, то ты их спасительница, а не стерва, посягнувшая на священную реликвию. Лучше одна-единственная и хорошо известная, чем по новой девке раз в неделю.

Я скептически изогнула бровь:

– Это ты так думаешь.

– Это так пишут на форумах, – вздохнула Грейс. – И в американском фан-клубе у тебя статус его неофициальной девушки.

Остановите землю!

– Неофициальной?

– Ну, от агентства ведь не поступало официального заявления.

– Потому что их директор меня ненавидит! – фыркнула я. – И потому что уже четыре месяца, как никого из них я

в глаза не видела!

– Но и официально вы с Шейном не встречаетесь.

– Официально, неофициально. Тыфу! Мы вообще никак не встречаемся! И не будем!

– Тем более. Фанаты лишь используют твой образ, и им это нравится.

– Я мифический герой, что ли?

– Вроде как. Если только случайно не наткнёшься на Шейна и не улетишь с ним в Египет, где он сделает тебе предложение у подножия пирамиды.

Приподняв бровь, с серьёзным видом уставилась на Грейс:

– А сегодняшняя история просто огонь.

– Не то слово! А секс у вас тут какой! На песке! – улыбнулась Грейс и кивнула лохматой головой в сторону выхода из кухни: – Иди давай, на работу опоздаешь.

Грейс провела меня до входной двери:

– Кстати, а ты в курсе, что у FB сегодня пресс-конференция? – С таким же видом можно сообщить о том, что в доме закончилась туалетная бумага.

– Рада за них. – Щёки вспыхнули, и я ничего не могла поделать с этим процессом своего организма.

– Нет, ты не поняла, Тейт. В Нью-Йорке, – добавила Грейс, и я целую минуту наитупейшим взглядом пялилась ей в лицо.

– Тейт?..

– Ладно, – опомнилась я и принялась завязывать второй кед. – Мне-то что?

– У них промоушен в США.

– Теперь я рада за них ещё больше. На этом всё? – Закинула чехол с гитарой за плечи.

– А завтра у них концерт.

– А теперь я должна завизжать, как одна из твоих подружек с форумов, начать рыдать и кинуться рисовать плакат с сердечками. – Резко выдохнула: – Всё, я пошла.

– Ты после работы на площадь? – бросила Грейс вдогонку.

– Да, погода хорошая, должно быть много народу.

– А аппаратура?

– Сегодня я играю после Менсона, он разрешил воспользоваться своей. Так что в этот раз не стану напрягать Рея, чтобы он подвёз мне усилитель.

– Рею совсем не сложно! – высокомерно заметила Грейс.

– Да, и двадцать баксов – совсем немного. Пока, Грейс.

– Пока, Тейт. Будь осторожна. Удачного дня!

– Ага, – хлопнула дверью.

Знала бы я, какой нереальной удачей сегодняшний день закончится, осталась бы сидеть дома.

ГЛАВА 2

– Парни! Времени в обрез! Сейчас в отель, коротенькая встреча с фанатами по стандартному плану, прыгаем в машину и на пресс-конференцию! – Менеджер Кан спешил, как всегда, хотя времени ещё целый вагон в запасе. – Быстро-быстро!

– Ни секунды отдыха, – по дороге из нью-йоркского аэропорта ворчал Патрик. – Только тур закончился, и уже промоушен. Так и сдохнуть можно...

– Фанаты любят вас! – подбадривал менеджер Кан с переднего сиденья чёрного минивэна, обмахиваясь ярко-салатовым веером с изображением улыбающегося, как идиот, Джареда.

Не сразу сообразил, что Кан уже перешёл на английский; в голове всё смешалось, мой мозг работает на пределе.

– И мы не должны заставлять их ждать, – поучал менеджер важным тоном. – Новый мини-альбом – просто бомба! И ты, Патрик, должен быть благодарен фанатам за такую преданность и отдачу.

– Я благодарен, – стонал Патрик, натягивая на глаза козырёк кепки и складывая на груди руки в позе покойника. – Но сейчас хочу спать. – Откинул голову назад и захрапел уже спустя секунду.

Все мы вымотаны. Все работали, не зная отдыха. Тур. Бесконечные фан-митинги. Утомительные встречи с репортёрами. Постоянные перелёты. Запись мини-альбома. Теперь промотур по нескольким крупным городам Америки.

Посмотрел в окно. Давно я не был в Нью-Йорке. После Азии кажется, что снова попал в другую реальность. Люди другие... И дело не во внешнем отличии. Разный менталитет, разное отношение друг к другу, разное видение мира. Здесь всё не так. И снова надо привыкать. Переключаться с корейского и японского на английский. И я бы сошёл с ума, если бы в обязательном порядке велели выучить и остальные языки азиатских стран...

Но самое дикое и странное чувство из всех – это когда уже не понимаешь, где твой дом. Живёшь то там, то тут. Везде понемногу. Лейбл директора Сока в Сеуле, агентство Тура в Лос-Анджелесе. Они хорошо спелись, ведь именно при поддержке Victory Records проходит наш промотур по США. Но ни там, ни там мы не задерживаемся надолго.

Патрик храпел. Джаред впал в спячку, едва его пятая точка коснулась сиденья. Ин Хо, как всегда, читает. Страшно представить, сколько книг этот парень прочёл за свою жизнь... Ему даже сон не нужен, чтобы отдохнуть. Книгу в руки, и Ин Хо выпадает из реальности.

Возможно, я бы тоже захотел поспать по дороге в отель, но слишком противоречивые чувства вызывает у меня этот город, для того чтобы позволить себе расслабиться. Я не могу

расслабиться: во всём теле будто натянуты толстые колючие струны, и малейшее неловкое движение причиняет острую боль где-то в области сердца.

Ведь это её город. Где среди всех этих миллионных зданий есть дом, в котором живёт Тейт.

– Эй, Калев, гони пятьдесят баксов, – Шейн протянул мне раскрытую ладонь с решительным видом. – Что смотришь?! Ты поспорил, чувак! Пятьдесят баксов! – Шейн потряс рукой и подмигнул: – Джаред вырубился раньше.

– А я что говорил? – спросил с сомнением, потирая шею.

Брови Шейна недовольно сдвинулись, рука опустилась:

– Разве я не на Джареда ставил?

– Я ставил на Джареда. А ты на Патрика. А он «ушёл» вторым. – Дёрнул бровями и протянул Шейну руку: – Пятьдесят баксов... чувак.

– Чёрт! У меня нет налички. – Шейн тихо выругался и повернул голову: – Эй, менеджер Кан, одолжи пятьдесят баксов!

Кан недовольно вздохнул и пробурчал себе под нос:

– Я тебе уже в самолёте одолжил.

– Да, но их я поспорил Джареду, когда первым отлить пошёл Патрик.

– Почему я не участвовал в споре? – поинтересовался я.

С кривой ухмылочкой Шейн повернулся ко мне:

– Потому что на тебя спорили, чувак! – и, отвернувшись, хлопнул по спинке сиденья: – Менеджер Кан, не жмись, дай

пятьдесят баксов.

– Ты не отдашь, – ответил Кан, не глядя.

– Когда это я долги не возвращал? – возмущённо протянул Шейн.

– Всегда, – отчеканил менеджер.

С поджатыми губами и невинным видом Шейн снова повернулся ко мне:

– Потом отдам.

– Забудь, – ответил я, уставившись в окно.

Даже несмотря на усталость и измотанное состояние, я не могу отдыхать, как Патрик и Джаред, не могу веселиться, как делает это Шейн... Не уверен, что даже уснуть смогу – теперь, когда нахожусь так близко от неё.

Для всех жизнь вошла в правильное русло. Скандалы были забыты. Фанаты остались довольны. Всё утонуло в сумасшедших графиках. А я всё никак не могу забыть её лицо.

Шейн не упоминал о Тейт ни разу с того дня, как они с Джаредом вернулись в отель. Шейн был пьян. А Джаред заверил, что помогал ему не спиться, деля спиртное пополам. Тогда Шейн что-то кричал о том, что был прав. О том, что никому нельзя верить и весь мир дерьмо. А люди в нём ещё дерьмовей, особенно зеленоглазые и с сиреневыми волосами.

Мне было смешно на него смотреть. Этот придурок ещё чего-то хотел от неё, после всего что сделал. После всех унижений и издевательств... Шейн и ногтя её не стоит. И я гово-

рил ему об этом. Тейт не настолько глупа, чтобы после всех событий связываться с ним. Я знал, что она улетит. И я знал, что Шейн не мог ею увлечься по-настоящему. Я до последнего не верил в его искренность. И в итоге я был прав.

Ни слова. Ни слова он больше не сказал об этой девушке.

Шейн был отстранён от дел группы, поэтому менеджеры и директор Сок закрыли глаза на эту его недельную пьянку, а Джареда вздёрнули по полной, ведь съёмки шоу продолжались... С тех пор он ещё ни разу не прикладывался к бутылке. Это был самый настоящий внутренний скандал.

Но и это забылось. Прошло уже четыре месяца, как все продолжили заниматься своими делами. Даже мы с Шейном постепенно вернулись к общению...

В тот же день, когда он пьяный вернулся в отель и послал меня к чёрту, в ответ на вопрос «где сейчас Тейт?» я не сдержался и разбил Шейну нос. После чего на него тратили тонны грима, так как съёмки шоу продолжались, и почти не показывали в кадре. За это вздёрнули и меня. Но мне было плевать. Я во многом пересмотрел своё отношение к жизни. С чем-то проще смириться, где-то лучше промолчать, с чем-то лучше согласиться, можно следовать графику и делать вид, что всё в прошлом, в то время, когда о ком-то просто невозможно забыть.

«Тейт Миллер. Девушка с сиреневыми волосами и самыми необыкновенными глазами на свете. Я ведь сказал, что найду тебя. И я не собираюсь упускать этот шанс».

ГЛАВА 3

– М-м-м... Тейт, это издевательство! Я больше не выдержу... Лучше убей меня прямо сейчас. Правда. Я даже через мобильный чувствую этот невероятный аромат! Куриные крылышки... Нежные, с хрустящей корочкой...

– Ты не можешь чувствовать запахи через телефон. – Свой единственный рабочий перерыв я проводила на улице, сидя на скамейке, нежась на тёплом весеннем солнышке Нью-Йорка, попивая «американо» и слушая городскую какофонию.

Ну ещё и Николь, которая только что громко фыркнула в трубку:

– Я беременна! Я всё могу!

– Я привезу тебе крылышек, обещаю, – рассмеялась я, глядя на безоблачное небо и шуря один глаз от яркого света.

– О, правда?! – завизжала Николь, так что я отдёргнула трубку от уха. – Только побольше бери! ПО-БОЛЬ-ШЕ! Эти изверги вечно одной травой меня пичкают, словно я корова какая-то!

– В последние пять месяцев ты имеешь в виду?

– В последние двадцать три года!

– Ладно, – смеялась я, делая большой глоток бодрящего напитка. – Ты была на УЗИ?

– Да, всё в порядке. Брайан разрыдался от счастья.

– А папа?

Николь терпеливо вздохнула:

– Папа... Ну, мы всё ещё работаем над этим. Вчера он заставил Брайана отрезать дреды и сам похоронил их на заднем дворе, а потом сказал, что если Брайан посмеет снова их отрастить, то он выроет яму побольше.

Я говорила с Николь каждый день. Даже не представляю, как жила без неё раньше. Эта девчонка, с которой первый наш разговор закончился взаимным посылом, стала действительно дорога мне. Я переживала за неё. Волновалась за них с Брайаном, хотя лично и не была знакома с этим парнем. И собиралась через месяц побывать на их свадьбе – на тихом семейном торжестве.

– Слышала, наши куколки записали первую песню, – перевела тему Николь и громко цокнула языком: – Готовятся к съёмкам клипа.

Да, о куколках – это мы с Николь так называем победителей шоу «Рок без границ», и не важно, что четверо парней играют на инструментах: пятеро девушек, в том числе и Дани, трясут задницами в коротких шортиках и поют песенки в стиле «Girlfriend» из репертуара Аврил Лавин. И ещё эти танцы...

– А ты теперь активный интернет-пользователь, смотрю? – хмыкнула я.

– А что ещё мне делать? Я дома сижу целыми днями! Ме-

ня никуда не отпускают! Читала, кстати, новую историю про тебя и Шейна?

Закатив глаза, я громко фыркнула:

– Дать тебе номер Грейс? Вы найдёте много общих тем!

– Ладно, не злись, девочка! Про акт ничего не слышно?

Писем не приходило?

– Письма приходят каждый день, – ответила раздражённо и сделала глоток из стаканчика. – Я уже не раз и на полном серьёзе подумывала сменить квартиру.

– До сих пор? – удивилась Николь. – Ты ведь говорила: фанаты перестали слать письма с угрозами.

– С угрозами перестали. Теперь они шлют мне сердечки. Ладно! – Поднялась на ноги, выбросила пустой стаканчик в урну и хорошенько потянулась. – Мне пора.

– Тейт, – голос Николь зазвучал серьёзно, – у тебя всё нормально?

Знала, что она и в этот раз не промолчит. Постоянно поднимает эту тему! И меня это дико бесит!

– Я не хочу опять говорить обо мне и... о нём.

– Я не про ваше скрещивание в Интернете, – фыркнула Николь. – Я о твоих чувствах...

Я не сдержала смешка:

– У меня нет никаких чувств. Николь, уже четыре месяца прошло, а мы до сих пор мусолим эту тему! Ну прекращай уже!

– Да! Но у тебя голос каждый раз дрожит, когда ты слы-

шишь его имя!

– Ничего у меня не дрожит!

И щёки не горят.

– Тейт... – Голос Николь зазвучал насторожённо. – Слышала, они сегодня в Нью-Йорк прилетели.

– Подожди секундочку, сейчас я тебе номер Грейс скину.

– Тейт!

Я терпеливо вздохнула.

– Тейт, – смягчившись, повторила Николь, – ты думаешь о нём, я это знаю. Ты можешь врать себе, Грейс, кому угодно... Но я никак не могу смириться с тем, что тот поцелуй на стадионе был фальшивым. Потому что он не был фальшивым! И ты знаешь это! Я тысячи раз пересматривала видео, и когда нашего звездюльку уводила охрана, его лицо выглядело так, будто у него сердце из груди клещами выдрали! Хочешь, я скину тебе этот кусок?

– Нет, – отрезала я сквозь крепко сжатые зубы.

Николь вздохнула и заговорила с долей некой печали в голосе:

– Я, конечно, всеми руками была за Калеба, потому что Шейн, даже несмотря на весь свой животный магнетизм, по сути своей законченный придурок, но так обычно и бывает, Тейт. Любовь та ещё дрянь.

– О какой любви ты говоришь? – иронично усмехнулась я.

– О любви потом будешь говорить мне ты, девочка, когда в один прекрасный день осознаешь, что твоя беременная пси-

хованная и вечно требующая жрачки подруга была права! А я говорю о судьбе. И если она уже запланировала что-то на твой счёт, Тейт, можешь хоть на другой континент переселиться, она найдёт тебя и там.

Хрустящий звук.

– Ты что, опять жуёшь?

– А что? – хмыкнула Николь. – Подумай над тем, что я сказала. И признайся уже себе наконец в том, что кто-то из этих двоих конкретно запал тебе в душу.

– Какое это имеет значение? – С трудом удержалась, чтобы не закатить глаза. Хотя какая разница? Николь всё равно не видит.

– Судьба, девочка. Судьба, – поучительно протянула моя беременная подруга. – Может быть, она уже сейчас идёт за тобой.

О да! И она шла за мной! Километровыми шагами. Из самого Сеула!

* * *

Как я и предполагала, сегодня прогуляться по площади выбралась куча народу!

Прекрасный солнечный денёк не мог не радовать. Безоблачное небо, запах весны и выхлопных газов – то что надо, находясь в самом сердце шумного города. Я люблю эти запахи. И шум люблю. Никогда не смогла бы променять всё это на тихую безмятежную жизнь в каком-нибудь крохотном

городишке сельского типа. Мегаполис – моё всё.

Менсона я знаю уже два года. Мы познакомились здесь же. Ему уже за сорок, и он очень весёлый и безумно талантливый дядечка. И это хобби у него просто такое – играть на площади для народа и для души. Так что в отличие от меня он чехол для сбора денег перед собой не разворачивает. А мне деньги нужны. Сейчас особенно нужны!

Менсон без проблем предоставил мне всю необходимую аппаратуру, а сам, как и всегда в это время, отправился за хот-догами. Он может штук пять за раз съесть. Очень забавный дядечка. И вечно голодный. Прямо как Николь.

Народ столпился меня послушать, и с каждой песней его становилось всё больше. Первые несколько композиций проиграла молча. Уделив особое внимание соло-партиям – Гибсон танцевал в моих руках. Мы – я и он – снова творили волшебство. Я растворялась в его звуках, наслаждалась каждой ноткой, возрождающей внутри целую бурю эмоций. Это непередаваемые ощущения. И я благодарна Богу за то, что он подарил мне такое счастье – способность чувствовать музыку на таком потрясающем глубоком уровне.

Этот засранец... Шейн. В одном он точно был прав – я живу музыкой. Она – весь мой мир. Единственное совершенное из всего, что меня окружает. Чтобы почувствовать себя счастливой хоть на какое-то время, мне всего лишь достаточно взять в руки гитару и пробежаться пальцами по струнам. И весь мир меняет краски! Становится ярче и насыщенней!

Даже запахи ощущаются по-другому, когда музыка наполняет собой каждую клеточку кожи, каждую частичку души.

Шейн... он точно знает это чувство... Знает, каково это – дышать не кислородом, а звуками музыки. Мы ощущаем её так похоже.

Любые предметы для него – ничего не значащие вещи, а музыка для него живая. Поразительно... Настолько странно и непохоже, что с трудом верится. Это как юг и север, как небо и земля, как лёд и... пламя. Как Шейн в обычной жизни и Шейн на сцене. Два разных человека. Две разных мелодии.

Я точно это знаю. Он не врал мне. Только не в ту ночь. Чувствую – тогда Шейн был искренен со мной. Возможно, я даже стала первой, кому он сказал нечто подобное, раз даже самому себе было сложно признаться. А я... я поступила так, как подсказывало мне сердце. Сказать, что не жалею, – значит, соврать. Возможно, жалею. Возможно, надо было дать себе время, для того чтобы понять, утихнет ли эта страсть раз и навсегда или же перерастёт в нечто большее... Возможно... Возможно...

Но я живу сегодняшним днём, а в нём нет места для сожалений.

Но полно места для воспоминаний.

Из-за того, что я улетила, вот уже четыре месяца барахтаюсь в подвешенном состоянии. Вру Грейс и Николь, что мне всё равно. Стараюсь не думать ни о Шейне, ни о Калебе. Стараюсь выбросить из головы все ощущения, что дарило

мне их присутствие. Но я не могу забыть об этом так просто. Всего за четыре месяца.

Пока не могу.

Каждый раз, когда играю на площади... Каждый раз, когда держу в руках Гибсона... думаю о нём.

О карих глазах, которые могут быть удивительно нежными... И каждый раз зарекаюсь об этом не думать.

И опять думаю.

Можно вполне официально заявлять, что Тейт Миллер спятила.

Толпа вокруг меня становилась гуще. И вроде как все относятся к поколению постарше моего.

Игра на площади – это ещё и риск с некоторых пор. Достаточно часто здесь появляются девочки-школьницы со своими никому не нужными вопросами вроде: «Это ты? Правда ты? Тейт Миллер? Девушка Шейна? Но что с твоим цветом волос?»

Долго приходится убеждать их, что никакого отношения к Тейт Миллер я не имею, что вообще живу под мостом и кипячу воду над горящим мусорным баком. Удивительно, но на вопрос, могу ли я сегодня переночевать дома у кого-нибудь из них, так как на улице холодно, девочки, с пунцовыми щеками просят прощения и спешат убраться восвояси.

Сегодня контингент слушателей преимущественно взрослых.

Исполнила пару песен по стандартному списку. Свои пес-

ни не исполняю – чтобы привлечь аудиторию, нужны известные композиции.

Начала с Paramore «Monster». Затем исполнила всеми любимую песню The Cranberries «What if God smoked cannabis» – публике очень нравится песня про Бога с козлиной бородакой и косячком марихуаны.

Следующей песней стала незапланированная композиция. Не знаю почему, какие звёзды на небе вдруг поменялись местами, но захотелось исполнить именно её. В последнее время я часто её слушаю, быть может, поэтому пальцы сами заиграли мелодию Guano Apes «Close to the Sun».

Я закрыла глаза, как это делает Шейн на концертах, и позволила голосу лететь:

*– Мы светились, словно пламя, под покровом дня и ночи.
Ты вознёс меня к самому небу... Это незабываемые ощущения.*

*Всё, чего я хотела, – дышать тобой и только тобой,
Но мы упали, как падают звёзды. Ведь мы были на них
так похожи...*

Оставался только один путь – вниз.

Перед падением всё было так прекрасно,

Но я летела слишком близко к солнцу.

Перед падением всё было так прекрасно,

Но я летела слишком близко к солнцу.

Я была твоей...

В тот миг я чувствовала, будто Земля вращается вокруг нас двоих.

Но, падая с такой высоты, невозможно не сгореть.

И теперь я скучаю по тебе...

А ты скучаешь?

По тому, чего у нас никогда не будет.

Ты вознёс меня так высоко...

Те минуты стали моим раем.

Я вдыхала твой запах снова и снова,

Но мы упали, как падают звёзды.

Вместе. Словно никогда и не были далеки друг от друга.

Но всё, что нам оставалось, это падение вниз.

*Ты оставил след в моём сердце, и я всегда буду помнить,
Как ты смотрел на меня: «Ещё не вместе, но и не порознь».*

Я всегда буду помнить...

Ты освободил меня, но я летела слишком близко к солнцу.

На последнем куплете ветер подхватил мои волосы и вихрем закрутил над головой. Я знаю, это невозможно, но вместе с ветром я почувствовала его аромат. Воспоминания всё ещё слишком сильны, и я не могу прятаться от них вечно. Иногда такое случается – когда сердце подводит и посылает

в мозг ложные сигналы. Говорит о том, чего никогда между нами не было, но ведёт себя так, будто всё уже случилось. Будто Шейн... Будто я и Шейн... Словно он здесь и я чувствую его присутствие, его запах всем своим существованием.

Мне надо лечиться. Я стала одной из его больных фанаток. Иначе как ещё объяснить странное, нелогичное чувство того, будто прямо сейчас его чёрные как ночь глаза прижигают меня взглядом?

Покалывание в кончиках пальцев и жар, разливающийся по телу в довольно прохладную погоду, и вовсе вводили в заблуждение... Словно... словно там... О боже... что же со мной происходит? Я так ясно чувствую его взгляд, что хочется закричать, чтобы все исчезли, испарились в эту же секунду и я смогла наконец убедиться, что никакого уничтожителя моего имущества здесь нет и быть не может! И в то же время... хочется, чтобы песня не заканчивалась и ощущение теплоты его карих глаз никогда не исчезало.

Но это невозможно.

Потому что песня заканчивается.

А Шейна там нет и быть не может!

«Иди лечись, Тейт! Найди уже наконец хорошего психиатра и удели достойное внимание своему психическому здоровью!»

С последним аккордом открыла глаза, убрала гитару в сторону и поднялась на ноги. Но даже выпрямиться до конца

не успела, как застыла с приоткрытым ртом и до нелепости широко распахнутыми глазами.

Сердце громко стучало в ушах, кровь бурными потоками неслась по венам. В голове не осталось ни одной мысли... Шок, удивление, смятение, потрясение... Коктейль чувств, который невозможно описать словами!

Это она?

Так вот что имела Николь?

Это – судьба?

Потому что если у меня галлюцинации, клянусь – никакого психиатра точно не будет, потому что прямо сейчас я пойду и сама себя сдам в психушку!

Но как бы мир ни менялся... Как бы люди ни менялись... Сколько времени бы ни прошло, глаза всё помнят. Хорошо помнят этот высокий широкоплечий силуэт. Помнят эти губы. И хоть его глаза и скрывают солнцезащитные очки, улыбка ничем не прикрыта.

И в отличие от всех присутствующих, я как никто знаю, кому эта улыбка принадлежит.

ГЛАВА 4

Сука!

Ненавижу этот город!

Ненавижу всё, что связано с ней. Её дух будто повсюду! Начиная с аэропорта и заканчивая дверями номера в отеле!

Она мерещится мне в каждой прохожей, у кого за плечами чехол для гитары. А в Нью-Йорке полно таких девушек. И не важно, какого цвета у этих прохожих волосы, эта девчонка давно могла перекраситься.

Какого дьявола я вообще опять о ней думаю?!

Надо отвлечься. Как насчёт спора о том, чьих фанаток на встрече будет больше?.. Можно поспорить на сумму покрупнее и поставить на себя.

Чёрт! Споры – отличная вещь, чтобы не думать о Миллер. Да я просто гений!

И опять я о ней думаю! Чтоб меня...

Это всё Нью-Йорк! Всё этот проклятый город! Надо было исключить его из промотура!

Дал же себе слово: ни одна мысль о ней больше не имеет права прорываться в сознание и пытаться менять мою шикарнейшую жизнь! Да, моя жизнь просто шикарна! Лучше всех! Правда! У меня всё есть! И мне не надо ничего большего!

Ни за что и ни при каких обстоятельствах я не сломаюсь ещё раз... Даже вспоминать не хочу, как чуть не умер, не обнаружив её наутро в квартире. Моё сердце почти остановилось. Клянусь. Я слышал его последние удары, а потом вдруг стало тихо.

И какого дьявола я опять об этом думаю?!!

Так. Где все? Надо срочно объявить спор!

Мы в Нью-Йорке всего на три дня, потом улетаем в Лос-Анджелес, а Тейт Миллер останется здесь, до конца своей беспросветной жизни работать в одном из тысяч супермаркетов. Да, так и будет! Аминь.

Мне вообще плевать на неё.

Я даже имени её уже не помню.

Что там? О ком я говорил?

Ладно, почти не помню.

И глаз её тоже не помню.

И как она смотрела, тем более не помню.

Всё.

Пусть катится.

И город этот тоже пусть катится.

Я скоро из него уеду.

Но разве есть в этом мире хоть капля справедливости? Хоть капля вероятности того, что судьба не устроит подлянку и не организует эту никому не нужную встречу?!

О нет... только не в этом мире. Так здесь всё устроено. Так всё работает. На подлости и предательстве. Именно так!

Пресс-конференция закончилась. ОТЕЛЬ, в котором мы остановились, находится как раз таки напротив площади, где часто играют уличные музыканты. И так как сегодняшний весенний день соответствовал всем требованиям для подобного скопища, большая толпа и звуки гитары бессовестно намекнули о том, что этой гитарой вполне может быть чёрный Гибсон, однажды разлетевшийся на куски благодаря моим стараниям.

Подумайте – один шанс из тысячи. Один на тысячи и даже больше! «Таких совпадений просто не бывает», – думал я. Проще поверить в то, что Джаред – гей со всей своей общепризнанной слабостью перед красивыми девушками. Реально, даже в это мне было бы проще поверить, чем в то, что музыкант, играющий на площади в данный момент, может быть Миллер!

Проклинаю свои ноги и ненавижу свой мозг, который отдал им команду двигаться в ту сторону. Очки на пол-лица, капюшон и кепка прикрывали пирсинг и делали меня максимально незаметным. Так что, пока не появился менеджер Кан со своими затрахавшими всю душу указаниями, решил прогуляться к площади. Не я решил – ноги решили. Лично я ничего не решал.

– Мужик, я с тобой! – догнал меня Джаред. – Что по плану? Какой клуб? Девочки? Бухло?

– Ты ж не пьёшь, дебил.

– Кто сказал?

– Ты сказал.

– Э-эм... – Джаред почесал затылок. – Ну ладно, давай хотя бы пончиков пожрём?

– Отвали, я на площадь. – Я ускорился.

– Ну нет, приятель... – донёсся в спину голос Джареда.
– А ты девчонок предупредил? Ну тех, здоровых, у входа, в чёрных костюмчиках, помнишь таких? Помнишь, что им приказано за тобой тягаться?

– Займи их.

– Ше... Чёрт! – Джаред смолк, чуть не выкрикнув моё имя на оживлённой улице. – Дружок! Они уже идут сюда!

Дружок?!

– Отвлеки их! – выкрикнул я и перешёл на бег.

Джаред заговорит кого угодно, так что я был уверен – охрана не побеспокоит, по крайней мере до тех пор, пока не ублажу свой мозг и не докажу ему, что никаких сиреневых волос на той площади нет. И я был прав – сиреневых волос там не оказалось. Волосы были ярко-красными. И принадлежали ей.

Тейт.

Гибсон, маленький усилитель, стойка с микрофоном и Миллер.

Все звуки шумного города выпорхнули из головы, пока я безмолвно стоял в толпе и наблюдал за тем, как она играет. Время замедлилось, толпа растворилась. Остались только я и она. Друг напротив друга. Прямо как в этих дерьмовых

романтических фильмах, под которые иногда так любит рыдать Джаред. И что-то маленькое, болезненное и едва живое внутри меня вдруг сжалось с беспощадной силой. Меня буквально скрутило в тугой узел при виде её лица, воздух вдруг показался невыносимо тяжёлым, сухим и горячим. Казалось, ещё вдох – и лёгкие взорвутся двумя красными воздушными шарами.

Ненавижу эти ощущения. Ненавижу себя.

Ненавижу Миллер!

Её светлая кожа искрилась в лучах весеннего солнца. Ветер раздувал непослушные волосы, вознося к небу. Глаза закрыты, а умиротворение на прекрасном и самом красивом на свете лице казалось сказочным. Она парила. Прямо сейчас, в эту минуту. Она и её музыка. Я чувствовал это. Я видел, как тесно они связаны невидимой нитью. Её голос проникал в самое сердце, заставляя его биться чаще... И болеть. БОЛЕТЬ! Невыносимо, убийственно-мучительно. И я не хотел этого чувствовать. Ничего не хотел.

Потому что нет у меня больше сердца. А это жалкое предательское существо в моей груди больше никогда не дождётся от меня, чтобы я пошёл у него на поводу.

У чего? У чувств.

Чувства... Что это за дрянь вообще такая?

Я не должен был её видеть. Я дал себе слово... Этого никогда не произойдёт ещё раз. Тейт Миллер для меня умерла в тот день, когда, не сказав ни слова, ушла не попрощавшись.

Знаю, я бы, как полный кретин, попытался остановить её, приведя кучу бесполезных аргументов, я бы сделал всё, чтобы не потерять её... И возможно, с моей стороны это было бы неправильно, но и она не имела права уходить... вот так.

Я думал... думал, она и я... я и она...

Чёрт! Даже язык не поворачивается назвать то, что между нами было, каким-нибудь важным, но глупым словом.

Что за чушь?

Это больше не важно.

Всё не важно.

Я должен уйти и забыть о том, что видел её.

Снова забыть.

Тогда почему всё ещё стою на месте?..

Тейт закончила петь, открыла глаза и поднялась с раскладного стула. В ту же секунду её взгляд наполнился недоумением. Она казалась шокированной, рот приоткрыт, тело замерло, едва успев выпрямиться.

Тейт смотрела не на меня, а на человека в противоположной стороне толпы. Его лицо было скрыто очками, тёмные волосы прятал капюшон, но его эта чёртова белоснежная улыбка. И эти дебильные татуировки на шее... Только слепой или тот, кто никогда не видел Калеба, мог его не узнать.

Я нашёл её первым. Но заметила Тейт его.

ГЛАВА 5

Пальцы дрожали, колени танцевали джигу, сердце болезненно ухало где-то в самом горле, пока непослушными пальцами прятала Гибсон в чехол и невнятно благодарила публику.

А Калёб продолжал улыбаться.

Это не шутка! Он правда здесь! Здесь! Передо мной! Не его призрак и не его двойник! Калёб... Тот самый... Тот самый гитарист всемирно известной рок-группы Far-between. Тот самый, с которым я проводила время на крыше в слепой от камер зоне. Тот самый, с которым целовалась несколько раз. Это его улыбка с белоснежным ровным рядом зубов. Его ямочки на щеках. Его татуировка на шее: чёрные языки пламени, плавно извивающиеся, подобно танцу, под ритм движения кадыка.

Определённо – у меня сейчас пар из ушей повалит. Даже думать не хочу о том, как сейчас выглядит лицо. Вряд ли его цвет отличается от цвета волос.

Но это он! Он сказал мне привет, и это был его голос!

Вот придурок, до сих пор рискует, появляясь где вздумается! Его ведь могут узнать! А что будет, если я в этот момент буду рядом с ним?

Капец! Капец мирового масштаба! Вот что будет.

И опять я чувствую себя рядом с ним до безобразия неловко. Переминаюсь с ноги на ногу, блуждаю взглядом по его лицу, пытаюсь разглядеть сквозь чёрные стёкла очков глаза цвета серебра. А ещё... ещё я пытаюсь игнорировать это странное щемящее в груди чувство, будто... будто Калёб – не совсем тот, кого на самом деле хотела увидеть.

Толпа начала расходиться, так как музыканта на смену, то есть Менсона, ещё не было – занимается поглощением хот-догов.

Дрожащими руками полезла за мобильным, чтобы известить старого приятеля, что я вроде как уже отыграла, и в этот же момент вновь его почувствовала... Этот аромат. Тонкий, болезненный, но такой знакомый аромат. Аромат Шейна. И щемящее чувство в груди вдруг обострилось в несколько тысяч раз.

С застывшим на полувдохе дыханием резко подняла голову и огляделась. Прямо перед носом прошёл человек в серой толстовке и с капюшоном на голове. Лица не увидела, но лишь от одного взгляда на его широкую спину сердце как ненормальное забилося в груди... а потом резко смолкло. Человек быстро отдалялся. И что-то в его походке было до ужаса знакомым. Рост, телосложение...

«Нет, брось, Тейт, это не Шейн. И это не его запах. Во-круг вообще куча всяких запахов! Да и это просто смешно! Шейну здесь точно нечего делать. Шейн наверняка ненавидит тебя. Снова. Только уже навсегда».

Позвонила Менсону, сказала, что ухожу, закинула гитару на плечо, подхватила Калеба под руку и поволокла на всей скорости от греха подальше. Я не переживу нового скандала. Клянусь, уеду куда-нибудь в Гренландию, прикинусь эскимосом и буду жить в юрте. До скончания веков!

Калёб тихонько посмеивался, пока я всеми усердиями пыталась волочить его тело за собой. Он не спешил. А я очень!

– Ты можешь... м-м... идти быстрее?! – зашипела сквозь зубы, злобно стреляя в него глазами.

Блин. Надо было взять шапку и очки. Почему в моём гороскопе на сегодня не была указана встреча со знаменитостью?! Больше не буду читать гороскопы.

– Тейт, – смеялся Калёб.

– Не зови меня по имени! – зарычала я, оборачиваясь по сторонам, точно агент спецразведки под прикрытием. – О боже, Калёб, пожалуйста... Прикрой шею! Что ты как...

Калёб улыбнулся ещё шире. Своей этой фирменной сногшибательной улыбочкой на миллион, и я на миг вообще забыла обо всём, что происходит...

Как же она идёт ему, эта улыбка!..

И как же я скучала по ней...

Нет! Стоп! Конспирация превыше всего. Схватила за замок его куртки и одним резким движением застегнула молнию под самое горло.

Калёб рассмеялся в голос.

И я невольно улыбнулась. Это... это так странно – вновь

слышать его низкий грудной смех.

– Вот теперь идём, – схватила под локоть и поволокла дальше.

– Я тоже по тебе скучал, – тихо произнёс Калеб, и крохотные бабочки, пробудившись от долгой четырёхмесячной спячки, запорхали внутри живота.

Это... это очень приятно слышать.

Не думала, что вообще когда-либо вот так встречусь с ним снова. Это встреча возродила во мне множество противоречивых чувств, но кажется, я и вправду скучала. Теперь это понимаю. Когда вот так близко вижу его перед собой, волоку за руку, а он смеётся, как мальчишка, и совершенно не заботится о том, что его могут узнать!

Это Калеб. Да, это он.

Отвела подальше от большого скопления народа, хотя народ был везде! Остановилась и строго посмотрела ему в лицо. Сквозь чёрные очки глаз было не видно, так что понятия не имею, сияют ли они, как обычно, искорками серебра или напоминают густую туманную дымку. Но эта улыбка... Думаю, блеска в глазах определённо больше.

– Как ты... как я... – Резко выдохнула: – Чем ты думал?! Как... как вообще нашёл меня здесь?!

– Хорошо, что не успел поехать к тебе домой, – широко улыбался Калеб.

Мои брови невольно полезли на лоб:

– Ты собирался поехать ко мне домой?

– Да, – просто пожал плечами Кaleb. – Но хорошо, что решил пройти мимо.

– Так уж и мимо? – Ни слову не верила!

– Честно. Я не знал, что увижу тебя здесь.

– Тогда это магия какая-то... – Сильно хмурясь, уставилась в асфальт под ногами, размышляя, какой вообще шанс у таких совпадений.

– Мне нравится новый цвет.

– А? – растерялась немного и неловко провела ладонями по волосам. – А, ты об этом. Ну да... Апгрейд.

– Тебе идёт.

Нет. Я, наверное, сплю.

С силой затрясла головой и ткнула Калеба пальцем в живот:

– Так ты настоящий?

Кaleb улыбался. Его явно забавляла наша первая встреча спустя столько времени.

Я ещё несколько раз надавила пальцем ему на живот, а затем он вдруг перехватил мою руку и резко притянул к себе, заключив в крепкие объятия.

Тёплый. Вкусно пахнет. Такой... каким я его и запомнила. А ещё надёжный.

Я неловко сцепила пальцы в замок за его спиной, слушая, как быстро бьётся его сердце под моей щекой. Его рука коснулась моих волос и ласково скользнула вниз – на спину. Я чувствовала, как его подбородок прижимается к моей ма-

кушке, а тёплое дыхание попадает на щёку и слегка щекочет её.

Ну ладно. Ещё секундочку. Всего секундочку... Ещё чуть-чуть вот так постоим. Меня сто лет уже никто не обнимал.

«Всего-то четыре месяца с того раза, когда Шейн обнимал тебя в намного более интимной обстановке».

– Я скучал, Тейт...

Ну и что мне теперь с этим делать?..

Постойте! Почему он вот так вот просто обнимает меня на глазах у всех?! Мне совершенно не нужны новые фото в Сети и забастовки фанатов под окнами квартиры!

Отскочила от Калеба как ошпаренная, схватила под локоть и поволокла дальше, оборачиваясь на каждом шагу, контролируя телефоны всех ближайших прохожих. Да, я стала параноиком, но что-то совсем не хочется участвовать в новом скандале, из которого живой на этот раз точно выйти не получится.

– Чем ты думаешь?! – злобно зашипела сквозь зубы. – Кал... Чёрт! Смерти моей хочешь?! Я ещё от прошлого раза не отошла! А синяки на лице, знаешь ли, мне до жути не идут. Я потом покажу тебе фотку!

Калеб резко остановился, и я замерла следом. И он больше не улыбался.

– Поехали куда-нибудь, – сказал на полном серьёзе.

– Куда-нибудь? – пискнула с абсурдом. – На Марс, что ли? Где тебя не узнают?!

Калеб достал из кармана мобильный и заскользил пальцем по дисплею.

Глядела с недоверием:

– Билеты бронируешь? Последний космический корабль уже отчалил!

Калеб молчал. Копался в телефоне.

– Ка... Чёрт, – нервно прикрыла ладонью глаза и до боли прикусила губу – не отвлекает. – Что ты там делаешь?!

Калеб приподнял голову:

– Ты хорошо знаешь город?

Это ещё что за вопрос?..

– Ну... достаточно хорошо, а что?.. Нет. Стоп! Что ты собираешься делать?! У вас же пресс-конференция!

– Закончилась.

– Встреча с фанатами?

– Перенесли на утро.

– Концерт?

– Завтра вечером.

Тупик.

– Всё. Пошли! – Калеб забрал у меня Гибсона и повесил себе на плечо, схватил за руку, уточню – переплетя пальцы, и потащил в противоположную сторону.

– О боже... Что же ты делаешь? Я ещё жить хочу! Чёрт... Кал... Чёрт! Ты сведёшь меня с ума. Сведёшь с ума!

– Я не против, – сверкнул улыбкой Калеб и потащил меня дальше.

Сели в такси.

– Театр Делакорт, – сказал водителю Калёб.

Что он сказал?! Какой ещё театр?!

Забрала у него гитару и установила чехол так, чтобы его лицо не попадало в зеркало водителя.

Калёб снял очки. Я тут же вернула их на место, а он просто беззвучно смеялся. Буквально трясся от смеха!

Да, я законченная неврастеничка, но меня избили несколько месяцев назад, а этот идиот даже не заботится о моей безопасности. Не сочтите за эгоизм, но он-то легко сухим из воды выйдет – фанатки простят, а мне потом что с этим делать? Точнее, не мне – виртуальной девушке Шейна, которая вдруг перебросила свои сети на соло-гитариста группы!

От меня мокрого места не оставят! А мне всего двадцать! Я жить хочу!

Такси добралось до места. Калёб протянул водителю купюру и уже открыл для меня дверь, пока я возилась с беднягой Гибсоном.

– Нас там не увидят, – серьёзно произнёс он и опять взял меня за руку. Как будто у нас медовый месяц и мы тут от нечего делать прогуляться решили!

Потащил куда-то за собой.

– Ну и куда ты ведёшь меня?

– Ты мне скажи, – улыбнулся Калёб.

– В театр собираемся?

– За него.

– И что там?

– Сад Шекспира.

Поморщилась:

– Это ты сам придумал?

– Это Генри Фолджер придумал, а Гугл мне рассказал.

– Кaleb повернулся ко мне. – Это одно из самых тихих и наименее оживлённых мест в Нью-Йорке. Маленький, почти незаметный сад за театром Делапорт. Иногда там проводят свадебные церемонии, но в апреле их немного.

– Это тебе тоже друг твой Гугл рассказал?

– Да, мы неплохо ладим.

Этот парк просто нечто. Самый настоящий райский уголок! И это учитывая отсутствие цветов. Так уютно и... безлюдно! Почему я не бывала здесь раньше? Нет, в Центральном парке я часто бываю, но именно здесь... Безумная красота. Так и вижу себя с гитарой и с нотной тетрадью под одним из этих разлапистых деревьев. Аккуратные скамеечки вдоль мощённых камнем дорожек, красивейший пруд, зеленеющая трава... Ну чем не сказка? И принц имеется.

До сих пор не могу поверить, что он нашёл меня.

Присели на одну из выбеленных скамеек.

Я присела. Потому что стоять было слишком nervozно, колени так и дрожали. А Кaleb опустил на землю Гибсона, наконец снял очки и взглянул на меня.

Сияющие серебром глаза были, как всегда, бесподобны.

Даже внутри потеплело, и нервозность перестала ощущаться так остро. Пристальный взгляд, полный нежности, пробирающийся до самых косточек. И за какие заслуги этот парень на меня так смотрит? Помнится мне, я его одного на крыше оставила, после безумного поцелуя в честь нашего прощания. А он даже не злится. Нет, он даже не расстроен. Он счастлив! Сияет, как рождественская ёлка!

– Почему ты расстегнул куртку? – взглянула с неодобрением.

– Здесь нет никого, Тейт, – мягко улыбался Кaleb.

Барабанила пятками по земле, не зная, что бы такого ответить. И почему я всегда нервничаю в его присутствии?.. Смущаюсь. Говорить разучиваюсь. Забываю, что природа меня разумом не обделила.

В общем, постепенно разговор завязывался. Кaleb сидел рядом со мной, безо всякого стеснения держа мою ладонь в своей, и рассказывал об их туре по Азии, о записи мини-альбома, о новом промоушене. Он недолго говорил об этом, скорее просто потому, что я спрашивала. И я не видела радости на его лице – одну усталость. Он вымотан. Даже кожа его никогда не была такого бледного оттенка. Сколько же они работали? Совсем отдыха не знали? Что за изверг директор Сок?!

Кaleb спросил обо мне, и я вкратце рассказала о своей довольно скучной нью-йоркской жизни. Да и нечего было рассказывать. Не о том же, как один из посетителей посчитал

мою задницу аппетитней гамбургера!

Да и вообще моя жизнь скучна и неинтересна по сравнению с жизнью Калеба, а он ни на секунду не отводит от меня глаз.

– Разве тебе не надо возвращаться? Директор Сок не возражает? – спросила я, меняя тему.

Кaleb запустил руку в тёмно-каштановую шевелюру и безо всякого интереса ответил:

– Он в Сеуле. Завтра вылетает в Лос-Анджелес. С менеджером проблем не будет, у него сегодня дела какие-то.

Я подозрительно сузила глаза, мысленно конспектируя, что его волосы стали определённо короче, пряди не падают на глаза, да и сама стрижка приняла другую форму. Но ему идёт. Сложно представить, что ему вообще не идёт.

– И почему никто до сих пор тебя не ищет? – поинтересовалась я, возвращаясь взглядом к глазам.

Кaleb пожал плечами:

– Потому что полчаса назад я выключил телефон.

– Ты сумасшедший, – усмехнулась я, мотая головой. – Менеджер тебя по стенке размажет.

– Тогда ему придётся искать нового гитариста. – Кaleb вздохнул, аккуратно заправил прядь волос мне за ухо и ласково улыбнулся: – Я так рад, Тейт. Видеть тебя. Слышать тебя. Ты как глоток свежего воздуха в этом безумном мире вечных погонь.

Та-ак. Кaleb теперь у нас романтик?..

– Я тоже рада тебя видеть, – ответила, искренне улыбаясь.
– Думаю, даже могу на время отложить поиски психиатра, раз уж ты и вправду настоящий.

Калёб шутку не оценил. Да и глупая была шутка. Его взгляд изменился, потяжелел и будто бы наполнился виной. Только за что ему себя винить?

Потупила взгляд и принялась жевать губу, надеясь, что разговор не сменит направление на смертельно опасное. Потому что если Калёб в курсе того, что было между мной и Шейном, я пойду и закопаю себя под ближайшим деревом.

Но Калёб резко сменил тему. Опять удивил. Я-то думала, сейчас о милости всякой сентиментальной трепаться начнёт. О том, о чём меньше всего хотелось говорить, находясь в моём подвешенном состоянии. И, я надеюсь, Калёб не станет вновь называть меня своей девушкой, потому что на этот счёт моё мнение довольно категоричное и вовсе не положительное.

Но разговора и не было! Калёб шутил, смеялся, рассказывал историю за историей об их жизни в Азии. Было много чего интересного... Например, как в Таиланде Джаред привёл в номер девушку, даже не подозревая о том, что она трансвестит. Шейн тогда заснял его реакцию на камеру и угрожал выложить в Сеть. Они тогда долго ржали, потому что Джаред полночи орал и чистил зубы, пока дёсны не начали кровоточить – целоваться с девушкой сомнительного происхождения было плохой идеей.

В общем, время летело незаметно, и, судя по тому, что Калёб поднялся на ноги и закинул моего Гибсона к себе на плечи, пора было возвращаться.

– Давай начнём сначала, – с бодрой улыбкой предложил он на выходе из парка и протянул мне руку: – Калёб.

Неуверенно улыбнулась.

Дурачится.

– Тейт, – ответила на рукопожатие.

– Привет, Тейт.

– Привет... Калёб. – Улыбаюсь, как идиотка.

– Ну вот, начало положено. – Калёб притянул меня к себе, обняв за талию.

Неуверенно рассмеялась:

– Разве при первой встрече объятия положены?

Калёб игриво дёрнул бровями:

– Будем считать, что с нашей первой встречи уже прошла пара недель и мы можем себе это позволить.

А вот теперь я совсем не знаю что делать.

Калёб передо мной. Улыбается, говорит всякие приятности, обнимает. И я буду законченной лгуньей, если скажу, что мне это не нравится.

Но мысли... они где-то там... далеко... Мысли о человеке с кучей пирсинга на лице и с волосами цвета серебра.

Всё ли у него хорошо? Как сумасшедший график сказался на его состоянии?.. Ненавидит ли он меня или, может быть, тоже хочет увидеть?..

Ну вот, опять меня несёт.

Точно, не хочет. Это не в характере Шейна. Слишком он самовлюблённый. И наверняка ведёт себя как глупый подросток. Уверена, он даже не вспомнил обо мне по прилёте в Нью-Йорк. Даже имени моего не помнит.

– Я хотел позвонить тебе, – вдруг произнёс Кaleb и сразу ответил на мой вопросительный взгляд: – Я знаю номер твоей нью-йоркской квартиры. Но не стал этого делать.

И правильно.

– Думал, тебе надо отдохнуть от всего, что случилось. Хотел прилететь раньше, но...

– Но ты не мог так подвести парней.

– Не мог. Поэтому и не сделал этого.

Мягко улыбаясь, вздохнула:

– Ты не должен мне этого говорить, Кaleb.

– Но я хочу, чтобы ты знала. – Он мягко провёл подушечками пальцев по моей шее, тем самым вызвав волну дрожи по всему телу. – О том, как я счастлив снова видеть тебя, Тейт. Касаться вот так легко.

– Кaleb...

– Ты не веришь. – И это не было вопросом. – Не веришь, что кто-то спустя четыре месяца всё ещё не может выкинуть тебя из головы? Ты слишком недооцениваешь себя, Тейт.

Кaleb ласково провёл ладонью по моей щеке, опустил к шее и плавно приподнял мою голову в попытке поцеловать.

Я отвернулась, разжав ладони вокруг его торса, и мягко

надавила ему на живот в попытке оттолкнуть от себя.

– Кaleb, подожди...

Он терпеливо вздохнул, притянул меня к себе обратно, так что мои руки безвольно упали по швам, и усмехнулся:

– Ну да, мы ведь не можем целоваться сразу после знакомства.

– Не в этом дело! – Внимательно посмотрела ему в глаза.
– Разве ты не понимаешь?

– Что я должен понимать, Тейт? – продолжал улыбаться Кaleb так, будто это я одна тут ничего не понимаю, хотя всё ясно, как божий день!

Теперь я терпеливо вздохнула, собирая воедино всю решимость.

– Слушай, Кaleb, зачем я тебе? Раз уж говорим начистоту, то давай всё проясним. Зачем я тебе? – Вот так. Решимости даже больше, чем нужно. – Такая, как я... Просто я. Ты даже почти ничего обо мне не знаешь, как можешь говорить подобные вещи? Ты не знаешь, какой цвет у меня любимый, не знаешь, какие фильмы я смотрю, даже толком не знаешь, какую музыку слушаю! Ты даже не знаешь, когда у меня день рождения, а говоришь такие вещи, будто мы с тобой знакомы несколько лет и ты готов прямо сейчас сделать мне предложение! – Нервно усмехнулась и помотала головой: – Ты прости, конечно, но это... странно.

– Двадцать седьмого ноября.

– Что?

– Твой день рождения двадцать седьмого ноября. – Калёб выглядел предельно серьёзно.

С тихой невесёлой усмешкой я опустила глаза:

– Ладно, с этим разобрались.

– Тейт, – Калёб коснулся кончиками пальцев моего подбородка и слегка приподнял, заглядывая в глаза, – за этим я здесь. Я хочу узнать тебя. Я не маленький мальчик, я не живу фантазиями и умею отличать желаемое от прихоти. И если за целых четыре месяца ты так и не смогла выйти из моей головы, значит ты не прихоть. Ты гораздо большее.

– Какое это имеет значение? – Горько усмехнулась. – Калёб, мы это всё уже обсуждали! Я рада тебя видеть и всё такое, рада была поговорить, узнать, как у тебя дела, но на этом всё. Всё... Ничего большего быть не может, и как взрослый мужчина ты должен это понимать. Всё не просто сложно – всё нерешаемо! Ты и я... мы из разных миров. И твой мир никогда не станет моим.

Калёб мягко и немного печально улыбнулся, слегка склонив голову набок. Глаза по-прежнему блестели, словно и не наговорила я ничего обидного. Он был в себе уверен. Что ещё больше пугало. Потому что я больше ни в чём не была уверена.

– Нет ничего невозможного, Тейт. И если согласишься правде в глаза, то поймёшь это так же, как я это понял. Контракты – всего лишь бумажки. Фанаты – всего лишь люди, у которых и своя жизнь имеется. Сцена, известность, концер-

ты... всё это не главное.

– Зачем я тебе?

– А зачем тебе музыка?

Я задумчиво изогнула бровь и сказала как есть:

– Потому что я не смогу без неё.

Калёб замолчал, пристально глядя мне в глаза и слабо улыбаясь, так что продолжать ему было вовсе не обязательно, я и так поняла.

О нет, это заходит слишком далеко. Уже зашло. Только когда успело?

– Если ты скажешь мне уйти, я не уйду, – неожиданно твёрдо произнёс Калёб; впервые видела, чтобы он выглядел настолько... по-мужски решительно. – Если захочешь уйти ты, я не отпущу тебя. По крайней мере, до тех пор, пока не начнёшь проклинать меня и не скажешь, что ненавидишь. И даже тогда я ещё подумаю. Просто ничего не делай. Просто живи, как жила. Не думай о том, что будет завтра. Просто дай мне этот шанс, и я сам всё сделаю. Я покажу тебе, что по-настоящему важно, а от чего можно легко отказаться. Я докажу тебе, что невозможное возможно, просто позволь мне узнать тебя поближе. Мне мало того, что я о тебе думаю, я хочу знать, о чём думаешь ты. Хочу понять тебя. Доказать, что мы не из разных миров. Просто дай мне этот шанс не как гитаристу какой-то там известной рок-группы, а просто мне...

Я застыла с приоткрытым ртом. Потому что мне сложно в

такое поверить. Я никогда и подумать не могла, что однажды в жизни кто-то скажет мне нечто подобное. Нечто настолько искреннее и настолько приятное.

Просто зависла, потрясёнными глазами глядя на Калеба. Правда – боль.

Он слишком хорош для меня. Слишком.

Но что я могла на такое ответить?..

Калеб посадил меня в такси, предварительно позвонив с моего телефона на свой. Обнял, поцеловал в висок и сказал, что завтра увидимся.

Не знаю, когда он собрался это проверить, в какое время между встречей с фанатами и концертом, но я не стала спрашивать. Мне ведь ясно сказали – ничего не делать. Вот я и не делаю.

И вообще, у меня сейчас черепушка треснет. Мечтаю поскорее упасть на кровать лицом в подушку (и задохнуться!) и уснуть. Возможно, это сейчас единственное лекарство, чтобы смириться с тем, что моя жизнь не может быть просто обычной! Что как бы я ни старалась бежать от скандалов и от тех, кто им сопутствует, судьба всё равно поступает иначе. Не так, как хочу я! Такое чувство, что я обречена... Что даже переезд в саму Гренландию уже ничем не поможет, потому что судьба найдёт меня и там – в юрте под видом эскимоса.

Калеб найдёт.

Он казался таким искренним.

Тогда какого чёрта перед глазами вновь лицо Шейна Бен-

сона?!

В кармане завибрировало. Смс.

Калёб: «Чёрный».

Это что ещё значит?

Я: «Ты о чём»?

Калёб: «Твой любимый цвет – чёрный».

Ну, тут как ни старайся, а брови оказались не в состоянии оставаться на месте.

А это он по каким каналам выяснил? Никто, кроме меня, этого не знает!

Смс.

Калёб: «Доказательство этому сейчас едет с тобой в одном такси».

Что?

Огляделась и усмехнулась в голос.

Гибсон. Мой глянцево-чёрный Гибсон! Естественно, дороже его у меня ничего нет.

Смс.

Калёб: «Я очень внимательный».

Я: «Это точно».

Грейс встречала меня у входной двери, что совершенно на неё не похоже. Обычно в это время она хомячит у себя в комнате за просмотром вечернего сериала. А тут переминается с ноги на ногу, нервничает, лицо краской залито.

– Что такое? – спросила я напряжённым голосом, ещё не успев переступить порог.

Грейс схватила меня за ворот жилета, резко втянула в квартиру, захлопнула за мной дверь, прижала к стенке и яростно зашептала в самое ухо:

– Где тебя носит?! Он тут уже час сидит! График у него, говорит! Всё спрашивает, куда ты делась и как скоро придёшь! Я звонила тебе раз сто, почему не поднимала?!

– Была занята... – ответила я, но уже не слышала собственного голоса.

В теле всё затрепетало и заколотилось. Кровь в одну секунду прилила в голову, будто её в кастрюлю с кипятком окунули. Весь мир... весь мир вращался с бешеной скоростью, и я вместе с ним! Не успевая за ним. А сердце... оно никогда не стучало так громко.

– Куда в обуви?! – заорала Грейс мне в спину.

Не помню, как остановилась, чтоб сбросить кеды. Даже не помню, когда успела снять Гибсона с плеча. Я вообще с трудом соображала...

Шейн... Он здесь.

Шейн... здесь – всё, что крутилось в голове.

Несколько раз чуть не грохнулась в коридоре, споткнувшись о мешки с кормом. С замиранием сердца влетела в свою комнату, но в ней никого не оказалось.

– Он на кухне, – прошипела в спину Грейс, и я уже летела туда, вновь спотыкаясь о мешки и чуть не падая.

В ушах гудело, внутри всё переворачивалось. Даже не помню, дышала я или нет... Но если и дышала, то точно пе-

рестала это делать в ту же секунду, когда переступила порог.

Целый мир обрушился на мою голову, больно вдавив в землю, буквально превратив в мокрое красное пятно. Сердце с силой сжалось от разочарования и испуга одновременно и рухнуло в самые пятки, перестав подавать какие-либо признаки жизни.

На кухонном столе лежал хорошо известный мне лист бумаги с моей подписью в самом низу. А за столом сидел крупный широкоплечий азиат и выглядел слегка раздражённо, но решительно.

Поднялся на ноги, коротко поклонился:

– Мисс Миллер, рад вас видеть.

Так и стояла столбом, не в силах выдать из себя ни слова.

Даже не знаю, что поломало меня в этот момент больше: напоминание об акте и визит менеджера Кана или отсутствие Шейна на моей кухне.

Да и в моей жизни тоже.

ГЛАВА 6

Захлопнула за менеджером Каном дверь и ещё несколько долгих минут, зависнув, пялилась на дверную ручку.

– Ну, чего он хотел? – со ртом, набитым мороженым, пропыхтела Грейс и вывела меня из этого невыносимого ступора.

Мрачно посмотрела на неё и подняла руку выше.

– Что это? – не поняла Грейс.

– Билет до Лос-Анджелеса.

– Что?! – взвизгнула Грейс, выронив стакан с мороженым, тот покатился по полу, расплескав тягучее содержимое. – Какой ещё билет?! А это что?! – Грейс кивнула на мою вторую руку.

Я подошла ближе и протянула лист бумаги к её глазам. Обречённо вздохнула:

– А это копия моего акта. Мною подписанная.

– Да чтоб меня!

Переместились на кухню. Грейс заварила крепкий чай, потому что состояние у меня было на грани обморочного. Уже которую минуту я сидела на стуле с опущенными руками и стеклянным взглядом сверлила Спанч Боба на кружке Грейс. И чем дольше я на него смотрела, тем сильнее он начинал раздражать.

– И что будешь делать? – спросила Грейс сострадательно, пододвигая ко мне «рожу Спанч Боба», а себе наливая виски.
– Ты не можешь туда лететь! Кто вообще этот мужик?

Я перевела опустошённый взгляд на бокал с золотистой жидкостью, придвинула к себе и одним махом выпила горькое содержимое.

Грейс вылила чай в раковину, поставила на стол ещё один бокал, налила себе и последовала моему примеру.

– Ну? – поинтересовалась, морщась. – Так что это был за мужик?

– Главный менеджер FB. Вручил билет и сказал, что директор Сок желает меня видеть.

– Он разве не в Корее? – Грейс наполняла бокалы.

– Завтра прилетает в Штаты.

– И зачем ему ты?

Я вновь посмотрела на Грейс туманным взглядом.

– Штраф решил затребовать? – спросила та.

– Не знаю. Но если не полечу, то лучше не знать тебе, сколько нулей у этого штрафа.

– Он угрожал тебе?! – Грейс шумно опустила на противоположный стул и осушила свой бокал.

Я тоже ждать не стала. Алкоголь быстро ударил в голову, но легче почему-то не становилось. А я так рассчитывала на это!..

– Если не полечу, то придётся выплачивать штраф, – произнесла я, медленно кивая.

– Но тебя ведь официально исключили! Какой ещё штраф?! – возмущалась Грейс, протягивая мне дольку лимона.

От лимона отказалась, мрачно поглядела на подругу и сама не заметила, как вдруг говорить стало проще, только вот душу это ничуть не облегчало:

– Заявление о моём исключении было сделано уже после того, как я уехала из отеля, не сказав никому ни слова. И этому есть свидетели, например охранник, которого приставили за мной следить. Меня исключили не по правилам третьего тура, а из-за случившегося инцидента, но никто не мешает им сделать другое заявление о том, что я сбежала ещё до выяснения обстоятельств. Кан сказал, что доказать это проще простого. И даже если дело дойдёт до суда и я подам встречный иск, какие шансы у такой, как я, выиграть дело? У неуравновешенной фанатки Шейна с репутацией блюющей алкоголички.

– Да, дело дрянь, – вздохнула Грейс. – Тягаться с известным лейблом... Но может, он хочет просто поговорить?

– Да мне до радуги, что он хочет!!! – воскликнула я и ударила ладонью по столу. Теперь меня одолевала злость. – Почему нельзя просто оставить меня в покое?! Что им надо?! Что им всем от меня надо?!

Шумно отодвинула стул, так что тот грохнулся на обшарпанный плиточный пол, и вскочила на ноги.

– Кому – им? – не поняла Грейс, подымаясь следом.

– Всё! Я спать! – и вышла из кухни.

– Подожди, Тейт! – не отставала Грейс. – Ты полетишь?!

На какое число билет?

– Вылет послезавтра! Рейс тот же, что у FB!

Хлопнула дверью и утонула лицом в подушке. Может, лучше и задохнуться.

* * *

Суббота. У меня выходной. Будильник с вечера не отключила, так что благодаря ему с самого утра ходила раздражённой.

Грейс, как всегда, дома. Рея нет. Когда он уже найдёт это проклятое помещение и вывезет отсюда весь этот... товар?! Вздохнуть невозможно. И да, если бы не вчерашний визит менеджера Кана, я бы сейчас не возмущалась так сильно по любому поводу!

Половину дня слонялась без толку. Всё размышляла над тем, собирать вещи или нет. Взвешивала все «за» и «против».

Этому Соку точно от меня что-то надо, и это не деньги! А исходя из нашей взаимной неприязни, думаю, вряд ли его предложение обещает быть сказочно приятным. Но выяснить я это смогу, лишь снова полетев в Лос-Анджелес. Хорошо хоть не в Сеул отправляют! С этим возникли бы проблемы посерьёзней. Потому что туда я бы точно ни за что не полетала! Чтоб у меня паспорт забрали и продали в азиатское рабство? Нет, спасибо. Я вообще об этом Соке ни черта

не знаю!

Позавтракала, приняла душ, выслушала от Грейс новую историю про интернет-меня и Шейна, прибрала на кухне и в комнате и взяла в руки гитару. Надо расслабиться. Срочно. Иначе просто чокнусь. И иначе так никогда ничего не решу. Потому что мозг воспалён и кричит о том, какая его хозяйка неудачница. И о том, что проблемы, связанные с R.Q. Entertainment, теперь придётся расхлёбывать до конца своей жалкой жизни. А ещё с работой придётся что-то делать, если соберусь лететь.

Входящее смс.

Калёб: «У тебя тут письма из почты вываливаются».

Я: «Ну и плевать на них», – ответила, не думая.

– ЧТО?!! – заорала во весь голос, подпрыгнув с кровати и едва успев подхватить Гибсона на лету. – КАКАЯ ПОЧТА?!!

Звонок в двери.

– ГРЕЙС!!!

О боже! Он здесь!

– Что?! – в дверях возникла ошарашенная Грейс с синей кремовой маской на лице. – К тебе гости?

– ЗАДЕРЖИ ЕГО!!!

Чёрт, почему пуговица на джинсах не застёгивается?! Разнесло, что ли, от волнения?!

– ИДИ!!! – толкнула Грейс к выходу. – Задержи его! Давай! Ну же!

– Кого?!

– Чёрт! Эта вонь...

– Тейт, кто там?

– Иди, задержи его, Гре-е-ейс! – Хлопнула за ней дверь.

– И не ори громко!

– С чего бы мне орать? – раздался приглушённый голос подруги и ленивое шарканье тапочек по коридору.

Тяжело дыша, огромными глазами оглядела комнату. Хорошо хоть убраться успела.

Какого дьявола?! Почему не предупредил?!

Калёб!!!

– АААААААААА!!! – А вот это визг Грейс.

О БОЖЕ!!!

Наспех передела футболку, пробежалась пальцами по волосам, спрятала билет и копию акта в шкаф и вылетела из комнаты. Грейс кричит, не в силах поверить в то, что видит, и прикрывает руками лицо, измазанное синей маской. Калёб стоит на пороге и невинно улыбается!

Святые вареники... Я точно умру раньше времени!

Схватила Калёба за куртку, резко втащила в квартиру и захлопнула за ним дверь, пока соседи на шум не повыскакивали.

– Быть не может!!! – орала Грейс, подпрыгивая на месте.

– Я умерла и попала в рай?! Тейт! Ты тоже ЭТО видишь?!

Я не знала, что сказать! Просто бегала ошарашенным взглядом с одного лица на другое.

Калёб беззвучно смеялся, выглядя до безобразия милым.

Грейс уставилась на меня:

– А ты... ты можешь, вот так, просто, его... трогать, да?

Я отдёргнула от Калеба руку и уставилась на него суровым взглядом:

– С ума сошёл?!

– Уже давно, – посмеивался Калеб, почёсывая затылок и при этом выглядя ещё более милым. – Как там говорят? Просто мимо проходил.

– А как же свидетели? – Я стрельнула глазами в Грейс. – Теперь нам придётся её убить!

– За что?! – пискнула Грейс, стирая маску с лица полотенцем. – Я что, совсем из ума выжила, по-твоему?! Сегодня самый счастливый день в моей жизни! Само Божество спустилось с небес и прямо ко мне в квартиру... Даже Рей не узнает об этом. Не совсем же я дура? – Ещё немного, и потечёт по полу.

Я, успокаиваясь, прикрыла на пару секунд глаза:

– Чёрт! Калеб, разве у тебя есть на это время?

– До начала концерта ещё четыре часа, – как ни в чём не бывало улыбался тот, пожав плечами.

– А... а подготовиться там и всё такое?

– Я ненадолго, – заверил Калеб и протянул Грейс бутылку... чего-то там.

Лицо Грейс просияло так, будто у неё сейчас оргазм случится. Регистрация на десятках фанатских форумах и регулярное чтение новостей об FB только что себя окупили. По-

сле моего возвращения из Лос-Анджелеса у Грейс вообще крыша съехала от этих парней, так что несложно представить, какой взрыв случился в её голове, увидев она на пороге своего обожаемого Калеба. Даже жаль её немного...

– Не знал, что ты любишь, так что выбрал красное полусладкое. Я Кaleb, – улыбнулся, слегка приподняв уголки губ, и протянул Грейс руку для рукопожатия.

Если она сейчас захнычет от счастья, клянусь, я от позора наложу на себя руки.

Со сверкающими глазами Грейс приняла бутылку и тут же пожалала Калебу руку, предварительно потерев ладонь о полотенце.

– Спасибо... Я Грейс, – кокетливо улыбнулась, хлопая ресницами. – Не стоило, правда. – Взглянула на вино: – О-о-о! Бертани!

Я стала ещё мрачнее – наверняка стоит кучу денег!

– Ещё скажи, что твоё любимое, – бросила я Грейс, скрестив руки на груди.

– Не знаю, не пробовала... – отозвалась та и бросила томный взгляд на Калеба: – Но думаю, теперь точно станет... моим любимым...

Я с шумным вздохом закатила глаза и стукнула ладонью по лбу, желая провалиться сквозь этот древний пол.

– Я не разбираюсь в винах, – пожал плечами Кaleb.

– Так, может?.. – Грейс дёрнула бровями и потрясла бутылкой.

– Не может! – предупредительно стрельнула в неё глазами.

– Я не знал, что твоя подруга любит FB, – улыбнулся мне Калёб.

Я поморщилась:

– Она любит не FB, а конкретно тебя, Патрика, Джареда, Ин Хо... Шейна... И вообще всех красивых мужчин этого мира!

– Тейт!!! – взвизгнула Грейс.

Калёб негромко рассмеялся.

Моя подруга вновь помахала перед его лицом бутылкой и, как она думает, адресовала Калёбу улыбку, перед которой ни одна особь мужского пола не сможет устоять. Но только не этот парень. Он отрицательно покачал головой, и в этот момент я подхватила его под руку и потащила к себе в комнату.

– Грейс! Если ляпнешь об этом кому-нибудь, от свидетелей всё же придётся избавиться! – закричала я на всю квартиру.

– Я – могила-а-а... – И Грейс исчезла в дверях кухни, напевая себе под нос что-то из репертуара FB.

Захлопнула за собой и Калёбом дверь моей комнаты и следом же задёрнула тёмно-синие гардины.

Калёб аж покраснел в попытках сдержать смех.

Я глядела недовольно:

– Не надо было покупать ей вино.

Калёб закружился на месте, разглядывая мою крохотную

комнату.

– Я не мог прийти ни с чем, – ответил, не глядя на меня.

– Тем самым поощрил её стремления пополнить ряды женщин-алкоголиков.

Калеб взглянул на меня снисходительно:

– Мне нравится твоя комната. Так её себе и представлял.

Чувствую, как к лицу прилила краска. Умеет он это со мной делать, как никто другой.

– Тейт, – Калеб подошёл ближе, – мне, правда, нравится. Прости, что ввалился вот так, без приглашения, но если бы предупредил, ты бы точно отказала. А я хотел тебя увидеть.

В этом он прав. И не только потому, что я в чувствах своих не могу разобраться.

– Здесь... – я смутилась, хлопнув руками по бокам и блуждая неловким взглядом по сторонам, – здесь... – Решительно выдохнула и поглядела Калебу в глаза: – Грейс и её парень собираются открывать зоомагазин, видел их склад в коридоре? – Просто язык не поворачивается вслух произнести извинение за то, что здесь воняет.

А Калеб делает вид, что ничего не чувствует.

В общем, эта тема так и осталась висеть в воздухе.

А ещё я безумно хотела поговорить о визите его менеджера, но только представьте реакцию Калеба на такую новость! Ещё и перед концертом! Я вот не представляю.

Возможно, будет рад, возможно, удивлён, возможно, разозлится... Он ведь обещал поговорить с директором по

поводу моего акта, и я почему-то не сомневаюсь, что он это сделал, вот только не вышло ничего... А мне страшно представить, как завтра я буду лететь с ним и Шейном в одном самолёте.

Возможно, я даже обрадовалась бы такой перспективе – провести с Калэбом время, если бы только чувства к нему были настолько сильны. Но я не знаю, какие у меня к нему чувства, в этом-то и проблема. Да и не хочу я туда лететь, не хочу подписываться под новыми обязательствами, не хочу вновь путаться в себе и в окружающих. Не хочу новых проблем. А они возникнут, как только Шейн появится на горизонте. В этом я не сомневаюсь! И для того, чтобы наконец перестать о нём думать, я точно не должна его видеть!

Не хочу! И не полечу никуда! Точка.

Так что Калэбу вовсе не обязательно знать о билете в Лос-Анджелес, лежащем в моём шкафу.

Калэб принёс с собой с десятков дисков с различными фильмами и целую гору сладостей.

– Теперь узнаем, какие фильмы ты любишь. – Сидя на моей кровати, Калэб перебирал диски.

Калэб на моей кровати . О боже, дай мне сил!

И зачем он только надел эту белую футболку, так ясно демонстрирующую идеальные рельефы его тела, открытую ключицу, мышцы груди? Я ведь не железная... и не слепая, чтобы не видеть то, что невозможно не видеть.

В итоге сошлись на том, что тема зомби у меня в приори-

тете. Да и «Обитель зла» давно не смотрела. Да и, если честно, было всё равно, что смотреть.

Подумала, что сладости помогут отвлечься от ненужных мыслей, и даже не заметила маленькую свалку из обёрток от конфет, образовавшуюся между нами, до тех пор, пока Кaleb не нажал на «паузу».

– Что? – с улыбкой уставилась на него.

– Ты любишь сладкое, – констатировал тот, с довольным видом заведя руки за голову, и я невольно сглотнула, заметив, как напряглись его бицепсы. И будто маленький зверёк тут же замурлыкал внизу живота.

Мне нравятся его руки. Настоящие мужские руки: большие, крепкие, с дорожками вздутых вен, при виде которых во рту вмиг пересыхает, а желание провести по ним подушечкой пальца становится сложно контролировать.

Кажется у меня ум за разум заходит.

Отвернулась, слегка откашлялась, собрала обёртки и отправила в урну для бумаг.

– В следующий раз возьму больше.

– Тогда вывозить меня отсюда на тележке будешь, – усмехнулась.

Остаток фильма просмотрели молча. Лёжа бок о бок на кровати. Кaleb обнимал меня и всё время поглаживал по плечу, чем вконец отвлекал от фильма.

Сам Кaleb на моей постели... нет, эта наша встреча спустя четыре месяца точно войдёт в историю! Любая его фанатка

за шанс оказаться на моём месте продала бы душу самому дьяволу!

И только сейчас в голове всплыла мысль о том, что он совершенно не удивился тому, что мой Гибсон воскрес из мёртвых. Значит, Шейн рассказал ему об этом? Интересно, при каких обстоятельствах? С его-то самовлюблённостью рассказать нечто подобное, да ещё и Калебу...

Одновременно повернули друг к другу головы. Ну знаете, как это бывает?.. Тот случай, когда ситуация становится настолько неловкой, что поцелуй уже неизбежен. А приятное покалывание в животе с уверенностью сообщило о том, что отказываться от него я не собираюсь.

И что я почувствую? Каково это будет в этот раз?

Ощущаю себя последней дрянью: не знаю, хочу ли искренне поцеловать этого парня, или хочу всего лишь разобраться в своих чувствах.

Я стала ужасной эгоисткой.

Калёб ласково улыбался. Светлые глаза казались искренними, как никогда. И он так близко... и так приятно пахнет...

Облизал губы и нежно провёл ладонью по моим волосам:

– Как думаешь, с нашего знакомства прошло достаточно времени для первого поцелуя?

– Для первого? – тихонько усмехнулась и прикусила губу. Заигрываю. «Молодец какая».

Ладонь Калеба оказалась на моём затылке, пальцы погру-

зились в волосы, и по всему моему телу тут же пронеслась волна приятной дрожи. Он не спешил, и я была благодарна ему за это, потому что никак не могла принять решение: стоит ли позволить себе подобного рода слабость, или подумывать о чувствах Калеба и предостеречь его от страданий?.. Я ненадёжная. Я глупая. Потому что моё сердце слишком строптиво.

Ладони упали на его твёрдую грудь, и я почувствовала, как Кaleb едва уловимо вздрогнул. Задышал чаще, глубже, а его сердцебиение стало настолько громким, что кажется, я проводила каждый удар через себя.

Его лицо оказалось ещё ближе. Горячие влажные губы осторожно коснулись линии моей челюсти, и по коже тут же понеслись мурашки. Это было приятно. Слишком... слишком приятно.

Я ведь не остановлюсь.

Моя грудь высоко поднялась от глубокого судорожного вдоха, и я не могла не заметить, как в это же мгновение глаза Калеба вспыхнули. В них было так много чувств, что даже становилось страшно. От невероятной нежности и тепла до безудержной страсти и желания.

Я завела ладонь ему за шею и кончиками пальцем пробежалась вверх, к затылку, ощутив мягкость волос, путающихся между пальцами. Закрыла глаза и снова глубоко вздохнула, позволяя его теплу захватывать каждую клеточку кожи. Мне нравились ощущения, которые вызывает во мне этот па-

рень. Я чувствую себя... особенной. Чёрт. Никогда не любила это слово, но именно так я себя и чувствую рядом с ним.

Губы Калеба нежно и почти безобидно касались моего подбородка, поднимаясь всё выше, к губам. Я чувствовала его свежее дыхание на своей разгорячённой коже, и всё, о чём могла думать, так это о том, что, возможно, моя жизнь не настолько уж и плоха, если такой парень, как Калев, разглядел во мне нечто, чего даже я в себе не вижу.

Его губы припали к моим, и волна чего-то необъяснимого – целого коктейля из эмоций, – накрыв с головой, выбила из неё все ненужные мысли. Это всё так же приятно. Мне нравятся его губы.

Нежный поцелуй и такой блаженный. Океан чувств внутри не бушует, но плыть по спокойным бархатным волнам безумно приятно.

Рука Калеба обвилась вокруг моей талии, и он плавно притянул меня к себе, позволив ощутить его твёрдую грудь всем своим податливым телом. Теперь обе мои ладони путались в его волосах, а поцелуй становился всё жарче. Я чувствовала его горячие губы на своих, и мне нравился их вкус.

На секунду он отстранился, чтобы заглянуть мне в глаза, пытаясь прочесть в них ответ, пытаясь увидеть, насколько сильно он мне нужен... Думаю, он его получил, потому что уже в следующую секунду, губы Калеба обрушились на мои так стремительно и с такой силой, что я не успела даже вдоха сделать. И это было бесподобно. Задыхалась. Букваль-

но задыхалась от нехватки кислорода, от адреналина фейерверком взрывающегося в голове, от ослепительной вспышки возбуждения, такой мощной, что от одного такого поцелуя уже хотелось стонать и умолять его не останавливаться.

Калёб бесподобен. В нём всё бесподобно. Его тело, губы, взгляд... Его голос, запах... Никто на моём месте не смог бы устоять перед его чарами. Он идеален. Во всех смыслах. Вот только огня не хватает. Того самого... сумасшедшего, болезненного, дикого, сжигающего всё на своём пути. Когда тело, как горячий пластилин, плавится в его руках... В руках Шейна...

Действия Калеба становились всё более решительными. Его страстные поцелуи оставляли следы на всём моём теле. Губы скользили по коже, пробуя меня на вкус, а у меня голова шла кругом, пульсация между ног усиливалась, кровь в ушах шумела так громко, что даже дыхания нашего не слышала. Зато чувствовала, как мощными толчками вздымалась его грудь, как перекачивались тугие мышцы спины под моими ладонями. И я всё меньше и меньше могла себя контролировать.

Так приятно и так чувственно.

Крепкие руки скользили по моей спине и пояснице, постепенно забираясь под футболку. Калёб откинул мои волосы в сторону и провёл языком по чувствительной коже за ухом, так что хотела я того или нет, а изо рта непроизвольно вырвался тихий стон. Калёб шумно вздохнул, и его движе-

ния стали ещё уверенней, поцелуи ярче и глубже.

Я путалась пальцами в его тёмных волосах, рисовала дорожки по влажной жилистой шее, касаясь пальцами чёрных языков пламени. Как же давно я хотела их коснуться... Его кожа... гладкая и горячая...

Недостаточно горячая.

Боже. Что я делаю?

Я должна остановиться, пока не начала во всём их сравнивать. Да их просто нельзя сравнивать! Шейн никогда не будет таким, как Калеб... В его поцелуях никогда не будет столько чувств, сколько в поцелуях Калеба. А моё тело никогда не будет реагировать на прикосновения Калеба, так же, как реагировало на прикосновения Шейна.

Прекратить. Я должна прекратить.

Но, кажется, я окончательно спятила.

Вместо этого стянула с Калеба футболку и всем телом припала к его обнажённой груди, приглушённо застонав ему в рот. Страсть в глазах Калеба вспыхнула с новой силой. Он приподнял меня над кроватью и опустил на спину. Сам навис сверху, переплетя наши пальцы и заведя мои руки за голову.

– Тейт... – чувственно прошептал со сбившимся дыханием, с невероятной нежностью глядя мне в глаза. – Ты сводишь меня с ума... Я... я даже не могу объяснить словами, что ты со мной делаешь. Таких слов просто не существует.

За такой взгляд можно убить... Настолько проникновенно он на меня смотрит. Сумасшедшие ощущения... и такие

неправильные. Я не уверена, что заслуживаю такого взгляда, в то время, когда мои мысли о другом, а сердце буквально разрывает надвое. Лучшее, что смогла сделать, чтобы забыть, – так это обхватить Калеба за шею, притянуть к себе и глубоко поцеловать.

Твёрдый пресс под моими ладонями буквально стонал от напряжения. Гладкая кожа груди и плечи, покрытые татуировками... Языки пламени танцевали вместе с движениями Калеба, осыпаящего мою шею поцелуями.

А я изгибалась от его ласк и тяжело дышала, зная, что мне это нравится, но переступив эту черту, дороги обратно не будет. И, пока не поздно, я должна остановиться. Хотя бы ради него – ради Калеба. Потому что это не честно по отношению к нему, а я не законченная стерва, чтобы так с ним поступать.

Я не могу это сделать, думая о другом!

Но, кажется, я всё-таки законченная стерва.

Его руки двигались настойчивей, круговыми движениями поглаживая мои бёдра, сжимая две мягкие половинки. Пальцы скользнули за пояс штанов, и тихий, хриплый стон вырвался изо рта Калеба.

«Пожалуйста... Тейт, прекрати целовать его, пожалуйста... Ты не должна так с ним поступать. Это слишком жестоко...»

«Всего лишь секс. Подумаешь, секс», – звучали в голове слова Николь. Но это не просто секс. Только не для Калеба.

И я отвечала на его поцелуи, позволяя ладоням исследовать моё тело. Обхватила ногами узкие бёдра и, почувствовав, как его твёрдый член упёрся мне в пах, практически захныкала от желания. Калёб приподнялся, потянул меня за собой, и я оказалась у него на коленях, лицом к лицу. Он целовал мою ключицу и спускался всё ниже – к груди. При этом совершенно не спеша, растягивая наслаждение.

Калёб снял с меня футболку, отбросил в сторону и, оттянув шлейку лифчика, принялся страстно целовать плечо, опускаясь всё ниже. Одной ладонью властно сжал мою грудь, а второй приподнял за талию и вновь уложил на кровать; так тесно, что и пылинке не протиснуться. Язык закружил по обнажённой груди, зубы прикусили твёрдый сосок, и я выгнула спину в нетерпении, впившись пальцами Калёбу в плечи. Хотелось больше. Сейчас. Хотелось идти до конца.

«Да что же я творю?...»

Ещё ниже... по трепещущему обнажённому животу, оставляя на коже влажные дорожки.

«Пока не поздно...»

С характерным звуком звякнула молния на моих джинсах, и губы Калёба припали к трусикам, неспешно, будто дразня, поддевая языком резнику.

«Боже... Тейт. Сейчас... Остановись сейчас! Останови его и себя останови!»

Я буду последней сукой, если сделаю это, а потом скажу, что ничего не получится! Так обычно мужики поступают, а у

этого мужика ко мне чувства. У хорошего мужика! Идеального!

Одним рывком Калёб спустил мои джинсы ниже, обхватил ладонями ягодицы и, продолжая дразнить, принялся осыпать поцелуями внутреннюю часть бедра.

«Ты не простишь себе этого, Тейт! Никогда не простишь!»

Вверх языком, припал губами к сокровенному поверх трусиков...

«Остановись!»

Плавнo раздвинул мои ноги шире...

«Сейчас, Тейт... Остановись!»

Поддел резинку, приспустив бельё, и коснулся пальцами горячих, влажных складок...

«ШЕЙН.»

Громкий рёв хорошо известной мне песни Sex Pistols, заигравшей из кармана джинсов Калёба, в момент отрезвил сознание, и я резко дёрнулась, сведя ноги. А вот Калёб с трудом оторвался от процесса, слегка приподнялся и нехотя достал из кармана ревущий на всю комнату мобильный.

– Чёрт. Время... – произнёс, тяжело дыша, и поднялся с кровати. – Прости, Тейт, я должен ответить.

– Конечно-конечно, – оживлённо пролепетала, уже разыскивая глазами футболку и натягивая джинсы обратно.

Наконец справившись с задачей, как ни в чём не бывало свесила ноги с кровати и взглянула на широкую спину Калё-

ба, от шеи и до самой поясницы покрытую угольно-чёрной татуировкой.

Это дерево... Большое и разлапистое, с толстым витиеватым стволом и оголёнными корнями вдоль всей поясницы, уходящими вниз, прячущимися за поясом джинсов. Листьев на дереве нет, ветки кажутся сухими... Один-единственный листочек опадает, нарисованный в области талии. Верхушка дерева горит в огне, большие языки пламени тянутся вверх, охватывая собою плечи и шею...

Воистину завораживающее зрелище... И такое сексуальное.

А потом, впервые за четыре месяца, я услышала голос Шейна, ревуший из динамика:

– Где тебя носит, придурок?! – Стальной голос, злой, словно с заклятым врагом разговаривает. А я вдруг перестала дышать. И как хорошо, что Кaleb не видит моего лица.

Он шумно, раздражённо вздохнул и хрипло ответил:

– Сколько времени?

– Сколько времени?! – неистово орал Шейн. – Время твоей заднице быть в концертном зале, а не где ты там сейчас шатаешься!!! Кан рвёт и мечет! Он тебя за яйца подвесит, когда увидит! Он звонил тебе тысячу раз, ты что, его номер в чёрный список занёс?!

– На время... – пропыхтел Кaleb, стоя ко мне спиной и потирая шею.

А я как самая большая в мире идиотка, с застывшим ды-

ханием и замершим в груди сердцем, слушала голос человека, которого ещё недавно ненавидела всем своим существом. А сейчас настолько запуталась, что не в силах побороть мурашки, бегающие по всему телу, и ощущение ужаса от того, что я чуть не натворила.

– Что с голосом?! – кричал Шейн. – Ты что, бежишь сюда?!

– Нет! Я же сказал: скоро буду! – повысил голос Кaleb. – Скажи Кану, что я уже выезжаю!

– Выезжаешь?! Откуда, чёрт побери, ты выезжаешь?! ГДЕ ТЫ?!

– Тебя это не касается.

Молчание.

– Да что б тебя, Кaleb!!! – ещё громче заорал Шейн, и что-то громко стукнуло. – Где ты?!

И тут я напряглась, невольно подавшись вперёд, чтобы услышать разговор до конца.

– Я скоро буду, – ответил Кaleb не сразу.

А теперь замолчал Шейн.

Долго молчал. Оба они молчали. В то время, когда для меня воздух уже весил с тонну, превращался в огонь и заставлял лёгкие сгорать синим пламенем.

– Кaleb! – Голос Шейна изменился: стал жёстким и низким.

– Я уже еду, Шейн. Буду через пятнадцать минут.

– Кaleb! – громче и уж как-то совсем угрожающе проры-

чал Шейн. – Слышишь меня?! Слушай внимательно и хорошенько подумай, прежде чем ответить, если тебе жизнь ещё дорога. Потому что... Потому что если ты у неё, клянусь – я убью тебя!!!

Калеб не ответил. Просто отключил телефон.

После того как он ушёл, долго прощавшись, я вернулась к себе в комнату, игнорируя вопросы не на шутку перепуганной моим состоянием Грейс и перевёрнутое с ног на голову сознание, и принялась собирать вещи.

Завтра я улетаю в Лос-Анджелес. И плевать, чем это всё обернётся.

ГЛАВА 7

«Ну, здравствуй, новый день. Ещё один день моей проклятой всеми богами жизни. Какие сюрпризы будут сегодня?..»

Собрала все сбережения, Гибсона на плечи и уехала в аэропорт.

Зачем мне гитара? Задом чувствую – немало стресса придётся испытать в ближайшем будущем, а в целом мире нет лучшего для меня лекарства, чтобы прийти в чувства и успокоиться, чем моя «крошка».

Грейс была против моего отъезда, но на этот раз я пообещала, что не дам в обиду свой телефон (точнее – мобильный Грейс, который она одолжила мне после того, как Рей подарил ей новый) и буду регулярно звонить.

Не знаю, что ждёт меня в Лос-Анджелесе, и вообще как надолго я там задержусь, но на этот раз и вещей взяла побольше.

Телефон включила лишь по прибытии в аэропорт, и его сразу же завалило сообщениями и пропущенными звонками от Калеба – он не хотел уезжать не попрощавшись. Как чувствовала. Но сегодня на пороге моей квартиры он не появился – видимо, после вчерашнего менеджер удвоил наблюдение. А я просто не знала, как сказать о том, что мы увидимся вечером в аэропорту, и как объяснить, почему вчера не

сказала об этом ни слова.

Да, вот такая вот я жалкая и трусливая получаюсь. И глупая. Но мне действительно было так легче подготовиться к скорой встрече с остальными участниками FB, чем выслушивать речи Калеба по всему этому поводу и нервничать ещё больше. Я и так на взводе.

Оделась попроще, чтоб не выделяться. Тёмные джинсы, чёрная свободная рубашка, дутая тёмно-бордовая жилетка, шапочка на голове и солнцезащитные очки.

Менеджер Кан оставил свой номер. Позвонила. Поднял лишь со второй моей попытки и сказал идти ко второму терминалу.

Подхватила багаж, набрала полную грудь воздуха и вошла в здание аэропорта.

По идее, меня должен встретить кто-то другой (не Кан) и как можно дальше от всемирно известной группы. Потому что толпы фанатов с плакатами уже пронеслись мимо, желая проводить своих любимцев в Лос-Анджелес. И очень сомневаюсь, что планы менеджера включали и моё присутствие среди «звёзд» тоже. Страшно представить реакцию публики, если я и Шейн окажемся рядом.

Звуки аэропорта больше не возрождали во мне трепетных чувств, как в прошлый раз. В прошлый раз я летела на встречу со своей мечтой, а в этот раз мне хочется мчаться со всех ног в обратном направлении. Но я уже всё решила. И моё решение твёрдо, как сталь. Потому что я буду не я, если не

покончу с этой историей раз и навсегда.

Огляделась, ища безопасный путь к нужному терминалу. Только вот путь был один, и толпы фанаток прямо сейчас прокладывали к нему дорогу.

Тяжело вздохнула, натянула шапочку на лоб, поправила тёмные очки, чувствуя себя нелепо до невозможности, вернула на место съезжающего с плеча Гибсона, подхватила чемодан за ручку и потащилась на встречу с неизбежностью.

Сложно понять свои ощущения. Ещё недавно в этом самом аэропорту состоялась моя первая встреча с FB. Встреча с Шейном и Каледом. Кажется, что с тех пор прошла целая вечность, а не чуть больше четырёх месяцев. Помню, как фанаты понесли меня прямо к ним, а потом я налетела на Шейна и вдавила его в пол... Чёрные радужки, полные ярости, зловещие тени под глазами, и перекошенное от злости лицо. В тот момент, когда он раздавил мой телефон, я решила, что буду до конца жизни ненавидеть этого парня. А сейчас... сейчас воспоминание об этом вызывает улыбку на устах. И кто бы мог подумать...

Я не простила Шейну его поступки. Вряд ли простила. И дело даже не в уничтожении моего имущества... Гадости, что он говорил, унижение, что заставлял испытывать, ненависть в глазах непонятно за что... Такое сложно простить, а понять ещё сложнее, но почему-то больше не чувствую злости. Ведь как оказалось, это была война не со мной – Шейн противостоял самому себе.

Чувствую себя слабой в то время, когда нужны все силы... И чем ближе подхожу ко второму терминалу, тем хуже себя начинаю чувствовать.

– FB! FB! FB! – кричат фанатки.

Ощущение полнейшего дежавю.

Охрана в чёрных костюмах. Репортёры. Фанаты. Всё как тогда.

Я застыла, точно зная, что произойдёт дальше. Вот и оно: оглушительный визг и полёт плюшевых игрушек в воздух безоговорочно сообщили о появлении идолов.

Джаред и Патрик шли впереди, широко улыбались фанатам и активно махали руками. Ин Хо выглядел то ли устал, то ли просто раздражённо. На голове большие наушники; несколько раз помахал фанатам и уткнулся взглядом в мобильный. Калёб, в серой вязаной шапочке, шёл следом, и на этот раз улыбки на его лице не было, взгляд мрачнее тучи, смотрит ровно перед собой и будто не замечает толпы, пришедшей их проводить.

А вот и Шейн.

Сердце трижды сделало сальто и подпрыгнуло к самому горлу, так и застряв в нём, преградив дорогу кислороду. Даже визги больше не звучали так громко, потому что кровь бурлила в ушах, как огненная лава в кратере вулкана. Я стала этим вулканом.

Весь в чёрном. За плечами гитара. А в волосах больше нет серебра. Шейн брюнет, практически жгуче-чёрный брю-

нет. Волосы кажутся растрёпанными, виски не выбриты, как раньше, а рваные пряди от чёлки слегка падают на глаза. Идеальный беспорядок в стиле рок-звезды, но даже в нём отчётливо видна работа стилистов. Это не Шейн выглядит как уличный рокер, потому что ему так захотелось, – это новый образ, придуманный для него кем-то из агентства.

И как же чертовски этот образ ему идёт!

Шейн кажется взрослее, мужественнее, серьёзней.

Сексуальней.

Только вряд ли и характер изменился в ту же сторону.

Глаза кажутся ещё темнее. Ещё опасней. Бледная кожа и яркие губы, которые умеют оставлять ожоги на коже...

Шейн снял со шлевки джинсов чёрную кепку и надел козырьком вперёд, так что глаз почти не стало видно.

А мне срочно нужно сделать хоть что-то, чтобы оторвать ноги от пола.

Кожа болит, внутри живота покалывает, а сердце всё не хочет замедлять свой ритм – так и стучит в самом горле, вынуждая задыхаться.

«Давай, Тейт, ты ведь сильная девочка. Оживай. Приходи в себя. Это всего лишь Шейн. Всего лишь твой бывший враг. И статус ваших отношений не далеко продвинулся после твоего побега. Так что жди новых гадостей и будь готова».

FB и их сопровождающие остановились.

Менеджер Кан кружился на месте, явно кого-то высмат-

ривая. Меня, например.

Фанаты продолжали сходить с ума.

А я сняла очки и сделала свои первые нерешительные шаги навстречу суровой реальности.

И я не знаю, что происходит. Не знаю, что было в планах у менеджера, но, судя по всему, больше меня никто не стесняется демонстрировать публике.

– ТЕЙТ!!! – Громкий возглас менеджера Кана, как пушечный выстрел, разорвал наэлектризованный воздух пополам, и азиат, блистая широкой улыбкой, быстрыми шагами двинулся ко мне.

Надо было это видеть.

Нет, серьёзно.

Все до единой головы участников FB как по команде развернулись в мою сторону, но ни одному из лиц я так и не успела дать определение. Фанаты завопили так, что я уже практически сорвалась с места в попытке побега! Честное слово! Я почти сделала это! Почти развернулась и бросилась к выходу из аэропорта. По крайней мере, мысленно я уже трижды так поступила. Думала, фанаты сейчас накинутся всей толпой и сотрут меня в порошок прямо на глазах у всех присутствующих!

Но дела обстояли совсем по-другому.

Вспышки ослепляли. Визги и крики звучали громче. Девочки-фанатки прыгали, как на пружинах, и выкрикивали МОЁ имя... вместе с именем Шейна. Знаете, как это звуча-

лю?.. «ШТ» – Шейн и Тейт.

Ну я вроде бы уже не раз говорила о том, что мир спятил?..

И – о боже! – моё имя на плакатах! Один, два, три... Штук пять точно наберётся. Плакаты с МОИМ (???) и Шейна именами!

Кажется, они в этой своей виртуальной реальности нас уже наконец поженили.

Может быть, даже имена будущим детям придумали. И страшно представить какие.

Менеджер Кан в сопровождении двух качков, что отгораживали нас от фанаток, подхватил меня под руку и потащил к FB.

А у меня даже челюсти от напряжения свело.

А у Калеба, кажется, свело не только челюсти, но и все остальные мышцы в теле. Его точно бетоном залили в самый неподходящий жизненный момент. Стоял и смотрел на меня огромными глазами, как будто ему мозг заклинило и никак не отпускает.

– Тейт, перейдём к более неформальному виду общения? – прошептал мне на ухо менеджер Кан.

Тупо кивнула.

– Ты приняла правильное решение, – улыбнулся Кан, поднял руку и лёгким движением снял с моей головы шапочку.

Красные пряди россыпью упали на плечи.

Новый взрыв толпы, вспышки фотокамер.

Мама, роди меня обратно!

Почему это происходит? Что вообще происходит? Как можно выкрикивать имя той, о ком они ничего не знают? Для них я не певица, не музыкант, вообще никто! Аватар! Интернет-девушка Шейна, каковой они меня сами же провозгласили!

И они сходят из-за этого с ума...

– Фанаты должны увидеть твой новый стиль, – сказал мне на ухо Кан, улыбаясь.

– Чьи фанаты? – произнесла, с недоумением глядя на толпу.

Боже, что я здесь делаю?..

Это сон... Я сплю...

– Фанаты FB! Они и тебя любят! – улыбался на камеры менеджер.

– С каких это пор? Они не меня любят, а ту, что сами себе нафантазировали... Что вообще происходит? – выдохнула, чувствуя себя расчленённой лягушкой на уроке биологии. – Что вы здесь устроили?

Взглянула на менеджера потрясёнными глазами, но тот лишь давился улыбкой и слабо хлопал меня по плечу.

– Отдай охране свои вещи, – протянул руку за сумкой и гитарой.

Сумку отдала, гитару нет.

Да и сумку не должна была.

Я должна бежать отсюда со всех ног!

Только вот ноги – как два мешка с цементом.

Они ведь только что подкинули всем этим безумным фанатам новый материал для выдуманных историй! Вот что они сделали! Меня решили показать! Достать меня из Интернета и продемонстрировать на публику! Оживить мой персонаж!

Вот попала! Не-е-ет, надо проваливать, пока ещё не поздно.

Круто развернулась. Не знаю зачем. Не знаю, что собиралась сделать, просто не могла больше смотреть на эту толпу и слышать своё имя! Даже не знаю, куда бежать собралась, но, так или иначе, попытка не удалась: врезалась всем телом в Шейна и едва не потеряла равновесие, но менеджер Кан вовремя подхватил под руки, вернув меня в прямостоящее положение.

А чёрные глаза смотрели в мои. Такие пустые, такие равнодушные. Тяжёлые веки слегка опущены, словно и нет меня перед Шейном. Словно я призрак и он смотрит сквозь меня. Челюсти расслаблены – он даже не злится. Руки спрятаны в карманы джинсов, лицо застыло в идеальном безразличии. Ни одна мышца не казалась напряжённой. С таким же успехом я в вон ту стенку могла влететь, реакция была бы та же.

Зато вот толпа не смогла проигнорировать этот инцидент. – Целуй! Целуй! Целуй! – вот что они заскандировали.

Менеджер Кан тут же принялся призывать их к спокойствию, что-то втирая о том, что мы не можем делать это на публике.

Чёрт возьми! Да это подстава! Самая большая подстава в моей жизни!

– Целуй! Целуй! Целуй!

– Прошу вас, не стоит просить их об этом! – кричал менеджер.

А мы с Шейном всё это время смотрели друг другу в глаза. Без капли радушия и огня между нами. Пламя замёрзло, один лёгкий удар – и оно рассыплется на мелкие хрусталики льда. И больше никогда не загорится. Всё пропало. Ничего не осталось. Ни от него. Ни от меня. Ни от того, что между нами было. И всё это я вижу в его карих глазах.

Захотелось рассмеяться собственной глупости. А чего я ждала? Радужной встречи?

Я знала, что так будет. Он никогда не повзрослеет. До конца своих дней будет жить в мире иллюзий, где всё происходит по его прихоти. Где Шейн – суперзвезда, а все остальные его просто не понимают. Все остальные его бросают. Так же, как сделала это я...

Он так и смотрел на меня, не отрывая глаз: пустым, безразличным взглядом. Даже обиды в нём не было – маска. Новая маска на лице. Только на этот раз непробиваемая.

– Ну всё. Достаточно! – Менеджер Кан подтолкнул меня в спину и тем самым заставил шевелить ногами, так что я первая отвела взгляд от лица Шейна.

На Калеба посмотреть не успела – меня толкали на регистрацию. Но Патрик и Джаред обступили с обеих сторон.

Джаред улыбался. И так искренне!

– Тейт! Я рад тебя видеть, детка! – воскликнул он, достал из кармана мобильный и включил камеру: – Селфи? Ты вроде как сейчас популярна. Запостим в Твиттере?

– Отвали от неё, Джаред. Тут и без тебя камер хватает. Дай ей выдохнуть, – вступился Патрик, слегка неловко мне улыбаясь и почёсывая гриву пшеничных волос.

Обернулась. Кaleb шёл следом и прожигал меня огромными глазами, с лицом человека, у которого бурный поток слов рвётся из нутра, а ему приходится им давиться. Лишь вопросительно дёрнул бровями, в стиле: «Какого чёрта происходит?» Но я не знала, как ему ответить, да и что ответить?

А Шейн всё ещё стоял на месте и провожал меня взглядом. Только с такого расстояния я уже не могла видеть, что творится в его глазах.

О да... Вот и начинается новый этап моего противостояния. Толпе фанатов, своему ожившему интернет-персонажу, директору Соку, Шейну... И самой себе.

ГЛАВА 8

– ЧТО вы мне предлагаете?! – переспросила удивлённо.

Лос-Анджелес. Главное здание Victory Records. Сажу в кожаном кресле в кабинете мистера Тура, а передо мной с важным видом расхаживает директор Сок. В чёрном выглаженном костюмчике и до блеска начищенных туфлях.

Знаю, что прилетел он всего несколько часов назад и, услышав о моём приезде, даже отложил дела и пригласил пройти в кабинет для разговора.

Светлый кабинет мистера Тура – генерального директора Victory Records – мне нравится. Тот, кто сейчас по нему расхаживает, мельтеша перед глазами, – определённо нет.

Сок остановился передо мной, завёл руки за спину и со всей своей наигранной любезностью мелодично повторил:

– Я предлагаю вам сольную карьеру рок-певицы.

Прокрутите, пожалуйста, ещё раз.

Мне плакать или смеяться в голос от этой новости?

– А сейчас вы скажете, что меня разыгрываете! Где скрытая камера? – бросила с усмешкой.

Мистер Сок натянуто улыбнулся и сделал ещё шаг в мою сторону:

– Мисс Миллер, на подобного рода розыгрыши у меня совершенно нет времени. Если бы вы знали, сколько дел я от-

ложил ради встречи с вами, непременно перестали бы сомневаться.

Ещё минут десять он втирал мне, что это не розыгрыш! Потому что эта новость оказалось слишком сложной для моего восприятия. А всё потому, что подобные предложения таким, как я, без подвоха не поступают.

Сок в сотый раз взглянул на часы и терпеливо вздохнул:
– Перейдём к сути, мисс Миллер. – Протянул мне несколько скреплённых между собой листов бумаги и выпрямился: – Это контракт. Прошу ознакомиться со всеми пунктами и в самое ближайшее время сообщить о своём решении. Если не найдёте меня, обращайтесь к мистеру Вонгу или менеджеру Кану.

Неуверенно приняла бумаги, но смотреть продолжала на директора Сока.

– Что ж, раз уж мы перешли к сути, выкладывайте, в чём подвох.

– Мисс Миллер... Тейт... – Терпеливо вздохнул. – Разве я должен вам что-то рассказывать? Вы ведь и так прекрасно осведомлены о том, что происходит. Я и сам, признаться, не мог и подумать, что предыдущий скандал обернётся для всех нас подобным образом, но давайте будем честными – и для вас, и для Шейна, и для агентства это пошло на пользу.

– Так в чём польза-то? – продолжала насмехаться я, не удостоив контракт своим вниманием.

Новый вздох и новый взгляд на часы.

– Послушайте, неужели вы не в курсе того, какая всего несколько месяцев назад у Шейна была репутация? Сколько было скандалов, сколько заявлений было сделано от моего имени... Этому конца и края не было видно! А потом вдруг появились вы – очаровательная девушка с необычного цвета волосами, и Шейна будто подменили!

И снова смеха не сдержать!

Так вот кто я теперь?! Очаровательная девушка?! Кто бы мог подумать!

– После вашего уже всемирно известного поцелуя, – продолжал директор, будто не замечая моего поведения, – ещё не произошло ни одного инцидента касательно лидера группы, вызвавшего бы у фанатов недовольства! Что вы с ним сделали, позвольте поинтересоваться?

– Ничего, – тупо протянула я, пожимая плечами и продолжая по-идиотски улыбаться.

– Ни-че-го, – по слогам повторил директор Сок и медленно закивал. Вновь взглянул на меня: – Это бизнес, Тейт, поэтому мне нет смысла скрывать от вас то, что вы и так рано или поздно узнаете. Или поймёте. Мы просто не имели права упустить такого человека, как вы. Агентству даже особых усилий не надо прилагать, чтобы вас раскручивать. Ваше имя и так на слуху! Фанаты Шейна всё сделали за нас – в благодарность вам, разумеется, за то, что Шейн, так сказать, встал на правильную дорожку. А всё, что осталось сделать нам, – это показать им вас, Тейт! Только не как звезду

Интернета и неофициальную девушку Шейна, а как талантливому музыканта и певицу... Вы хоть представляете, какая слава вас ожидает?

– А что, если им не понравится моя музыка?

– Тейт, – директор миленько улыбнулся, – разве вы уже забыли, сколько людей проголосовало за ваш талант на шоу?

Сок ещё некоторое время сверлил меня решительным взглядом, затем тяжело вздохнул и вновь зашагал по кабинету:

– Вами займутся стилисты, для вас напишут песню, придумают сценический образ. Вашу музыку услышат миллионы, разве не этого вы хотели?

Резко подняла на него глаза:

– Я не хотела становиться интернет-девушкой Шейна и добиться всего этого лишь благодаря ему!

– Но это уже случилось! – повысил голос Сок, невесело усмехнулся и всплеснул руками. – Уже! Примите как должное! Вы просто родились под счастливой звездой удачи.

Я выглядела всё более и более недовольно. Поёрзала в кресле, которое вдруг стало казаться дико неудобным, и решила выяснить детали:

– Звучит так, будто вы меня уговариваете, а не ставите условия. В то время, когда и выбора у меня особого нет, не так ли?

Сок замер напротив стола, некоторое время стоял ко мне спиной, видимо, проглатывая раздражение от моего упрям-

ства, затем вновь развернулся и нацепил на лицо деловитую улыбку:

– Условие и вправду есть, но вы ведь и так догадываетесь, что к чему, верно, мисс Миллер?

Я сузила глаза:

– Если я не подпишу контракт, то придётся выплатить штраф.

– Именно, – милейше улыбнулся директор. Какой душка.

– И всё?

– И всё. – Сок развёл руки в стороны. – На данном этапе это всё, чего мы хотим, и всё, что вы должны сделать.

Значит, они не собираются активно рекламировать меня как девушку Шейна? Что-то с трудом верится...

– Что тогда за цирк был в аэропорту? – спросила с вызовом. – О, только не говорите, что не в курсе. Это ведь были ваши указания, директор?

Сок коротко пожал плечами в стиле «что может быть проще» и ответил:

– Мы решили показать вас публике рядом с такими знаменитостями, как FB. Это добавило вам несколько плюсов перед фанатами, можете поверить. Я давно варюсь в этом мире лоска и скандалов. И точно знаю, что делаю. Никакого скрытого подтекста в моих распоряжениях не было, мисс Миллер.

– Меня все восприняли как девушку Шейна! – Я даже на ноги вскочила от услышанного бреда. – Никакого скрытого

подтекста, говорите, не было?! Да вы в открытую меня про-рекламировали, даже не получив от меня никакого согласия на это!

– Зато теперь все убедились в том, что вы не миф, выдуманный поклонниками, и имеете прямое отношение к FB, к R.Q. Entertainment и к Шейну соответственно. Но официального заявления о ваших с ним отношениях от агентства не поступало, об этом можете не волноваться. Всё, что мы сделали, – это подогрели интерес фанатов к вашей персоне. И вашей сольной карьере; в том случае, если вы подпишете контракт, это очень пойдёт на пользу.

Я вновь не сдержала абсурдного смешка:

– А вы уверены в себе, директор. А как же заявление Шейна на пресс-конференции? Ну, то, которое вы приказали ему сделать. О том, что я вроде как психованная фанатка.

Сок расплылся в ленивой улыбке:

– Да, но он не выполнил моих указаний, Тейт. Заявление Шейна прозвучало двусмысленно, за что в первую очередь и зацепились корейские фанаты. Им лишь повод дай, знаете ли, чтобы начать развивать любовную линию между двумя симпатизирующими друг другу людьми.

«Симпатизирующими...»

Гневно прищурила глаза:

– Так вот откуда это всё пошло? Из Кореи? Это там был придуман наш... альянс?

– Именно, – пожал плечами директор. – Сначала фан-клуб

бушевал, как и его американские аналоги, а потом... через пару месяцев, когда все заметили, как Шейн изменился, – Сок победно взмахнул руками, – будто взрыв случился! Из сумасшедшей фанатки вы вдруг выросли до уровня девушки, благодаря которой Шейн повзрослел, отказался от ночных походов и девушек на один раз.

– Он не повзрослел! – с уверенностью прошипела я и, скрестив руки на груди, отвела взгляд в сторону.

Раздались шаги директора по паркетному полу, и его высокий силуэт остановился в паре метров от меня. Выразительно приподнял брови:

– Вы уже успели пообщаться?

Наградила его тяжёлым взглядом:

– Нет. И вряд ли вы этого дождётесь.

– Так вы не ладите?

– А должны?!

– Это не мне решать, – улыбался Сок.

– А-а... так теперь не вам, да?! – цинично усмехнулась я и вплеснула руками. – Теперь для нас горит зелёный свет! Ура!

Глаза Сока недобро сверкнули, но фальшивая улыбка так и продолжила растягиваться на устах:

– То, чем занимаются фанаты, – их дело, мисс Миллер, и мы не вправе отбирать у них это. Но мы не можем упустить возможность для продвижения новой звезды, когда на горизонте такие перспективы.

– Потому что это выгодно для агентства!

– В первую очередь это выгодно для вас! Разумеется, в том случае, если вы подпишете контракт.

– И что будет потом? Продолжите сталкивать нас с Шейном лбами?

Мистер Сок поджал губы и медленно выдохнул через нос.

– Я же сказал: на данном этапе лишь одно условие. Становитесь моей подопечной, и я в считанные месяцы сотворю из вас кумира миллионов, либо выплачиваете штраф и возвращаетесь домой.

Чёртов шантажист!

– Потому что я – это живые деньги для агентства! – выплонула с презрением. – Разве не так? Вам даже напрягаться особо не надо. Да я просто золотой жилой стала благодаря фанатам Шейна!

– Пусть так, – с потрясающим спокойствием согласился директор, пожав плечами. – Только не врите мне, мисс Миллер, и не говорите, что не рады такому предложению.

Тишина.

Сердце больно колотилось о рёбра, умоляя не совершать глупостей и сперва хорошенько над всем поразмыслить. Щёки пылали огнём, а ладони уже давно были сжаты в кулаки, будто мне и вправду хватит смелости врезать по этой гадкой роже. Может, и хватит... Кто его знает?

Ведь меня хотят использовать, вот что! На моём интернет-персонаже собираются зарабатывать огромные деньги! Кто бы мог подумать, что тот злосчастный поцелуй на поле

в итоге выльется в... это.

Но Сок прав: я буду законченной лгуньей, если скажу, что не мечтала об этом. О том, что буду исполнять свою музыку на большой сцене, петь для миллионов, дарить им это чувство невесомости и блаженства, когда музыка и слова проникают в самое сердце.

Этого я хотела.

И сейчас именно это мне и предлагают.

И почему должна отказываться?.. Из-за кого? Из-за чего? Из-за какой-то там нелепости, придуманной фанатами Шейна в Интернете? Да чёрт с ней! Однажды это всё забудется как страшный сон. Про нас с Шейном забудут. А я останусь на сцене. Я и моя музыка. Да и не заставляют ведь меня реально с ним встречаться.

Впрочем, даже и выбора особого у меня нет. Откажусь, и придётся выплачивать штраф, а таких денег у меня не имеется, придётся судиться, ну или что ещё делать?.. Не на органы ведь себя распродавать.

Чёрт! Дал бы мне сейчас кто-нибудь дельный совет.

– Где мистер Тур? – поинтересовалась я, опускаясь обратно в кресло.

– Уехал по делам, будет через несколько дней.

– И к чьему агентству я буду относиться?

А вот теперь это напоминает деловые переговоры.

Сок кивнул на бумаги в моих руках:

– В контракте всё прописано. Сейчас многие агентства так

поступают. В рамках продвижения группы или сольного исполнителя в других странах, в данном случае в США, мой лейбл активно сотрудничает с агентством мистера Тура. Так что, пока вы находитесь в Штатах, вас представляет Victory Records. Как только мы вернёмся в Сеул, продвижение по Азии будет происходить при поддержке R.Q. Entertainment. Всё просто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.